

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

insightscentral.asia

Стратегический обзор Центральной Азии 2026

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Айдар Курмашев

Стратегический обзор Центральной Азии 2026

Научное издание

Астана – 2026

УДК 327
ББК 66.4
К93

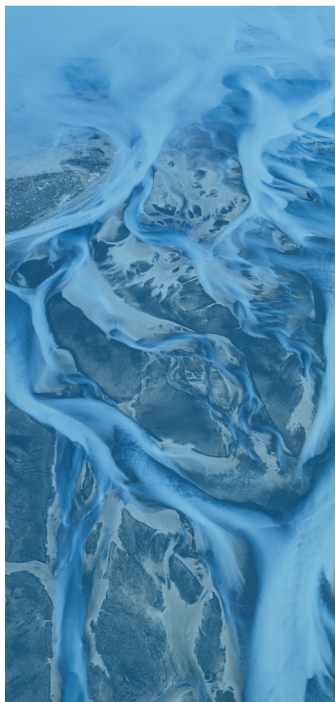
Рецензенты:

кандидат политических наук, доцент **Ахмедьянова Д.К.;**
кандидат политических наук, **Асанбаев М.Б.**

Рекомендовано к печати Ученым советом КИСИ при Президенте РК протокол № 2 от «18» февраля 2026 года.

Стратегический обзор Центральной Азии 2026. Научное издание.
Курмашев А.К. – Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2026. – 52 с.

ISBN 978-601-12-7967-3

В предлагаемом вниманию читателя издании представлен комплексный анализ ключевых тенденций, рисков и возможностей развития Центральной Азии в геостратегическом, экономическом, инфраструктурном и социально-демографическом измерениях. Рассматриваются вопросы региональной устойчивости, трансформации транспортно-логистической роли региона, водно-энергетической взаимозависимости, институционального развития и влияния внешних факторов на региональную динамику.

Издание рассчитано на широкий круг читателей и может быть использовано как аналитический, научно-методический и справочный материал для экспертов-международников, политологов, специалистов в сфере региональных исследований, представителей органов государственного управления, преподавателей и студентов.

ISBN 978-601-12-7967-3

УДК 327
ББК 66.4

© КИСИ при Президенте РК, 2026

Структура

Резюме	4
Введение	8
Методология	10

СТРУКТУРА ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ РИСКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ **12**

Водные ресурсы	13
Внешние игроки	15
Транзитный хаб и коридоры	19
Институционализация Центральной Азии	22
Социально-экономическая уязвимость	25
Демография и миграция	27
Идентичность, ценности и информационное пространство	29
Выводы	30

ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ НА 2026-2030 **34**

Сценарная матрица	34
Интерпретация сценарной матрицы	37
Наиболее вероятная траектория	37
Полюса риска	37
Окно возможностей	39

FORESIGHT 2040-2050: ПРОГНОЗНЫЕ ОЦЕНКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ **40**

Ресурсный уровень: вода, климат, энергетика	40
Инфраструктурный уровень: транспорт и связанность	42
Институциональный уровень: государственные институты и международная кооперация	43
Социально-демографический уровень: население и урбанизация	44

РЕЗЮМЕ

Центральная Азия в 2026 году входит в фазу, где устойчивость региона определяется **способностью управлять растущей взаимозависимостью** между ресурсами, инфраструктурой, институтами и общественной динамикой. Регион одновременно усиливает свое значение в Евразии и сталкивается с усложнением среды, где внешние, инфраструктурные и внутренние факторы все чаще работают как единая система.

Главный структурный риск носит ресурсный характер. Водный фактор окончательно переходит в категорию базового ограничения региональной устойчивости. Дефицит воды воздействует на продовольственную безопасность, энергетику, социальную стабильность и межгосударственные отношения. Вода становится фундаментальным параметром региональной безопасности и экономической предсказуемости.

Ключевая возможность региона – инфраструктурная связанность. Формирование Центральной Азии как транзитного и логистического узла между Европой и Азией становится устойчивым трендом. При этом конкурентоспособность коридоров определяется и качеством управления: предсказуемостью процедур, цифровой совместимостью, согласованностью тарифов и устранением узких мест. Без координации транзитный потенциал может превратиться в источник внутренней конкуренции и фрагментации.

Критическим фактором становится качество региональной управляемости. При недостаточной институциональной координации внешние проекты, инфраструктурные решения и энергетические схемы начинают закрепляться в двусторонней логике, что повышает зависимость от внешних центров принятия решений. Региональная субъектность напрямую связана со способностью выработать согласованные процедуры, данные и технические протоколы в чувствительных секторах.

Социально-демографическая динамика определяет предел устойчивости. Рост населения, урбанизационное давление, неравномерность развития территорий и напряженность рынков труда усиливают чувствительность государств к экономическим и информационным шокам. Общественная устойчивость становится условием реализации инфраструктурных и интеграционных проектов.

Информационная среда усиливает или ослабляет региональную кооперацию. Поляризация и уязвимость к внешним информационным воздействиям способны осложнять межгосударственное доверие даже при совпадении экономических интересов.

В совокупности региональная среда формируется как контур взаимовлияющих факторов: **внешняя конкуренция – инфраструктура – институты – общественная устойчивость.**

Нарушение баланса на любом уровне транслируется в другие. Поэтому устойчивость Центральной Азии определяется не максимизацией отдельных направлений, а согласованностью развития четырех уровней:

УСТОЙЧИВОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ресурсный

Вода, энергия,
продовольствие

Инфраструктурный

Транспорт, логистика,
цифровая связанность

Институциональный

Механизмы координации
и управление

Социально-демографический

Человеческий капитал
и общественная устойчивость

Регион находится в зоне возможностей. Усиливается транзитная роль, расширяются форматы сотрудничества, растет интерес внешних партнеров. Однако именно рост значения Центральной Азии делает критически важным переход от реактивной модели к координированной логике действий, где управляемость становится ключевым стратегическим ресурсом.

Главной задачей ближайших лет выступает формирование управляемой связанности региона, позволяющей удерживать баланс между национальными приоритетами и региональной логикой в условиях активного внешнего давления и высокой взаимозависимости. Именно это становится основой долгосрочной стабильности, предсказуемости и стратегической гибкости Центральной Азии.

Рисунок 1. Динамика восприятия ключевых рисков в Центральной Азии (2023–2026)

Отметьте, пожалуйста, 5 основных рисков, которые могут негативно повлиять на развитие стран Центральной Азии?

Источник: экспертный опрос, КИСИ, 2023–2026 гг.

Рисунок 1 отражает динамику экспертного восприятия ключевых рисков для стран Центральной Азии в 2023–2026 годах и демонстрирует заметную структурную переориентацию повестки угроз. Водный дефицит устойчиво занимает первое место, усиливаясь с 64,1% до 70,6%, что подтверждает переход водной темы из экологической плоскости в категорию системного фактора региональной безопасности. Одновременно возрастает значимость внешнего фактора: доля экспертов, отмечающих усиление влияния внешних игроков, превышает половину ответов, что указывает на восприятие региона как пространства нарастающей геополитической конкуренции. Существенным является рост обеспокоенности качеством человеческого капитала и социально-экономической устойчивостью, тогда как демографические и идентификационные риски остаются фоновыми. В совокупности динамика показывает смещение от точечных отраслевых угроз к комплексным структурным ограничениям, где ресурсы, институты и социальная устойчивость формируют взаимосвязанную систему рисков.

Рисунок 2. Приоритетные направления региональной кооперации стран Центральной Азии в оценках экспертов (2023–2026 гг.), % от числа ответов

Отметьте, пожалуйста, 5 наиболее приоритетных направлений кооперации стран Центральной Азии?

Источник: экспертный опрос, КИСИ, 2023–2026 гг.

Рисунок 2 демонстрирует, что экспертные оценки приоритетных направлений региональной кооперации напрямую коррелируют со структурой выявленных рисков. Наиболее высокие значения приходятся на синхронизацию усилий в водно-энергетической сфере, что отражает восприятие водного фактора как базового ограничителя региональной устойчивости. Расширение транспортных коридоров остается вторым по значимости направлением, подтверждая роль логистической связанности как ключевого драйвера экономической устойчивости. Повышенное внимание уделяется также человеческому капиталу, аграрной кооперации и промышленной интеграции, что указывает на понимание структурных ограничений развития, связанных с ресурсной зависимостью и качеством экономической базы. В совокупности динамика показывает переход от секторального сотрудничества к комплексной модели, где инфраструктура, ресурсы и человеческий капитал рассматриваются как взаимосвязанные элементы региональной устойчивости.

ВВЕДЕНИЕ

Центральная Азия в середине 2020-х годов характеризуется одновременным воздействием внешних изменений мировой системы и внутренних трансформационных процессов. Усиление геоэкономической фрагментации, перераспределение логистических потоков, технологическая конкуренция, рост климатических рисков и изменение режимов глобального регулирования формируют новую среду функционирования средних и малых государств. В этих условиях регион все чаще рассматривается как самостоятельная подсистема международных отношений со своей структурой взаимозависимостей, внутренними ограничениями и возможностями координации.

Актуальность настоящего исследования определяется характером текущей региональной динамики. Водно-энергетические дисбалансы, изменение климата, демографические тенденции, зависимость экономик от сырьевого экспорта, инфраструктурная неоднородность и различия в институциональном развитии государств образуют устойчивую совокупность факторов, оказывающих комплексное воздействие на экономический рост, социальную стабильность и инвестиционную среду. Эти параметры формируют систему взаимосвязанных ограничений и возможностей, в которой решения в одной сфере неизбежно отражаются на других.

Региональная координация развивается преимущественно в функциональной логике. Государства Центральной Азии рассматривают сотрудничество прежде всего как инструмент решения прикладных задач, связанных с управлением ресурсами, развитием инфраструктуры,

адаптацией к климатическим изменениям и обеспечением безопасности. Такая модель взаимодействия не предполагает жесткой институциональной интеграции, а строится на практической согласованности действий в сферах объективной взаимозависимости. Это придает регионализации гибкий и секторно-ориентированный характер.

Параллельно усиливается вовлеченность внешних акторов в региональные проекты, транспортные маршруты, энергетические схемы и технологические инициативы. Расширение форматов взаимодействия «С5+1» создает дополнительные возможности диверсификации внешнеэкономических связей, одновременно повышая сложность координации и требования к согласованности позиций государств региона. В этой ситуации вопрос субъектности приобретает практическое измерение и связан со способностью стран вырабатывать согласованные подходы.

В таких условиях возрастает значение экспертно-аналитического сопровождения региональных процессов. Речь идет о систематизации рисков, выявлении зон взаимозависимости и разработке прикладных инструментов анализа, позволяющих оценивать последствия управленческих решений в межгосударственном и межсекторном разрезе. Стратегические аналитические документы выполняют функцию структурирования региональной среды, создавая основу для согласования позиций по инфраструктурным проектам, ресурсному управлению и вопросам устойчивого развития.

Настоящее исследование исходит из предположения, что стратегическая динамика Центральной Азии определяется взаимодействием четырех уровней: ресурсного (вода, энергия, продовольствие), инфраструктурного (транспорт, логистика, цифровая связанность), институционального (механизмы координации и управления) и социально-

демографического (человеческий капитал и социальная устойчивость). Изменения на одном уровне влияют на другие, что требует комплексного подхода к анализу региональных процессов.

Цель исследования состоит в выявлении ключевых тенденций, формирующих геостратегическую среду Центральной Азии в среднесрочной перспективе, и анализе взаимосвязи между региональными рисками, экономическими возможностями и механизмами координации. Задачи включают систематизацию экспертных оценок, анализ повторяющихся мотивов региональной повестки, определение ключевых зон уязвимости и роста, а также разработку сценарных вариантов развития.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты экспертных опросов 2023-2026 гг., охватывающих представителей академического и аналитического сообщества стран региона и внешних партнеров. Использование сопоставимых анкетных блоков позволяет фиксировать устойчивые приоритеты,

динамику восприятия рисков и изменения структуры ожиданий в отношении регионального сотрудничества. В работе применяются методы качественного контент-анализа, сравнительной интерпретации экспертных оценок и сценарного моделирования.

Новизна издания заключается в систематизации региональной повестки через категорию взаимозависимой устойчивости, где экономические, ресурсные, инфраструктурные и институциональные процессы рассматриваются в единой аналитической рамке. Практическая значимость работы связана с возможностью использования результатов при формировании региональной политики, разработке координационных механизмов и планировании инфраструктурных инициатив.

Работа ориентирована на исследователей международных отношений, регионалистики и политической экономики, а также на экспертов и практиков, вовлеченных в разработку региональных программ сотрудничества.

МЕТОДОЛОГИЯ

Настоящее исследование основано на системном подходе к анализу региональных процессов, в рамках которого Центральная Азия рассматривается как совокупность взаимосвязанных ресурсных, инфраструктурных, институциональных и социально-демографических подсистем. Такой подход позволяет перейти от описания отдельных проблем к анализу взаимозависимостей, определяющих устойчивость региона в условиях внешней неопределенности и внутренней трансформации.

Теоретико-методологическая рамка работы опирается на междисциплинарное сочетание элементов регионалистики, политической экономии международных отношений и анализа комплексной взаимозависимости. Регион рассматривается как динамическое пространство функциональных связей, где координация формируется вокруг конкретных сфер взаимодействия. В центре внимания находится характер и глубина взаимозависимостей, а также их влияние на способность государств реагировать на внешние и внутренние вызовы.

Аналитическая модель исследования строится на предположении, что региональная устойчивость определяется согласованностью **четырёх уровней**: *ресурсного, инфраструктурного, институционального и социально-демографического*.

Каждый уровень рассматривается как источник как рисков, так и возможностей, а ключевым объектом анализа выступают межуровневые связи.

Такой подход позволяет выявлять эффекты «переноса напряжения», когда проблемы в одной сфере усиливают уязвимости в других, а также оценивать потенциал компенсаторных механизмов региональной координации.

Эмпирическую основу исследования составляют результаты многоэтапных экспертных опросов, проведенных в 2023, 2025 и 2026 годах. В опросах участвовали представители академического, аналитического и экспертного сообщества стран Центральной Азии и внешних партнеров региона. Повторяемость ключевых тематических блоков анкет позволила обеспечить сопоставимость данных во временной динамике и выявить устойчивые мотивы региональной повестки, изменения в структуре восприятия рисков и трансформацию приоритетов кооперации.

Метод сбора данных относится к категории экспертных оценок, что предполагает фиксацию профессионального восприятия процессов. Такой выбор обусловлен задачей исследования, направленной на анализ стратегических тенденций, требующих специализированной интерпретации. Полученные данные использовались для выявления повторяющихся тематических кластеров, ранжирования значимости рисков и определения направлений, воспринимаемых экспертным сообществом как зоны потенциального роста.

Обработка эмпирических материалов осуществлялась с применением качественного контент-анализа и сравнительной интерпретации. На первом этапе ответы были сгруппированы по тематическим категориям, отражающим основные направления региональной повестки. На втором этапе проводилось сопоставление частоты упоминаний и смыслового контекста ответов, что позволило выделить

устойчивые структуры экспертного восприятия. Особое внимание уделялось темам, сохраняющим высокую значимость в разные годы опросов, поскольку именно они отражают структурные факторы.

Дополнительным аналитическим инструментом выступает сценарное моделирование. Сценарии строятся на основе комбинации выявленных трендов, зон уязвимости и потенциальных компенсаторных механизмов координации. Сценарный подход используется не для предсказания конкретных событий, а для анализа возможных траекторий развития региональной среды при различных конфигурациях внешних и внутренних факторов.

Одной особенностью эмпирической базы исследования является институциональный профиль респондентов. В опросах принимали участие представители аналитических и исследовательских структур стран Центральной Азии, значительная часть которых связана с национальными центрами стратегических исследований и экспертными подразделениями, взаимодействующими с органами государственного управления.

Формирование экспертной сети началось в рамках международной конференции, посвященной вопросам стратегического развития региона, проведенной КИСИ при Президенте РК 20 января 2023 года в г. Астана. Конференция была ориентирована на обсуждение образа будущего Центральной Азии и послужила площадкой для выстраивания устойчивого профессионального диалога между аналитическими центрами региона. В дальнейшем именно эта сеть стала основой для регулярного экспертного опроса, что обеспечило преемственность участников и сопоставимость оценок во времени.

Такой состав респондентов определяет специфику полученных данных. Экспертные оценки отражают практико-

ориентированное понимание ограничений и возможностей регионального сотрудничества. Это повышает прикладную значимость исследования, поскольку выявленные тенденции и приоритеты коррелируют с управленческой логикой и институциональными реалиями региона.

Таким образом, методология исследования сочетает системный анализ, экспертные данные и сценарный инструментарий, что обеспечивает комплексное рассмотрение геостратегической среды Центральной Азии. Такой подход позволяет перейти от описания отдельных вызовов к анализу конфигурации региональной устойчивости и механизмов ее формирования.

Параметры выборки:

і **2023 год** – опрос проведен в период с 20 по 26 января.

Объем выборки составил 39 респондентов-участников экспертной встречи «Центральная Азия - 2030: образы будущего» (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

і **2025 год** – опрос проведен в период с 22 января по 17 февраля.

Объем выборки составил 66 респондентов – экспертов по Центральной Азии из стран региона.

і **2026 год** – опрос проведен с 16 по 26 января.

Объем выборки составил 51 респондент – экспертов по Центральной Азии из стран региона.

Во всех трех волнах использовалась сопоставимая структура вопросов, что позволило проследить динамику экспертных оценок и выявить устойчивые тенденции в восприятии региональных рисков и возможностей.

СТРУКТУРА ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ РИСКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Геостратегические риски региона проявляются как устойчивая совокупность факторов, которые одновременно воздействуют на экономическую динамику, параметры межгосударственной координации и условия взаимодействия с внешней средой.

Их значимость определяется способностью изменять стратегические условия развития на региональном уровне. В этом смысле речь идет о тенденциях, которые формируют фон принятия решений, задают ограничения и перераспределяют возможности.

Структура рисков в Центральной Азии характеризуется концентрацией напряжений в нескольких узловых направлениях, где сходятся внутренние ограничения и внешние воздействия. Эти узлы не существуют изолированно: процессы, разворачивающиеся в одном из них, как правило, оказывают влияние на другие, изменяя баланс между возможностями роста и факторами нестабильности. Поэтому анализ выстраивается вокруг ключевых направлений, которые обладают способностью генерировать межсекторные эффекты и трансграничные последствия.

Первая группа рисков связана с ресурсной сферой, прежде всего с управлением водными и связанными с ними энергетическими параметрами. Здесь формируются ограничения, влияющие на производственные, социальные и инфраструктурные процессы.

Вторая группа относится к пространственной организации экономической активности, где развитие транспортно-логистических связей создает одновременно окно возможностей и поле конкуренции.

Третья группа формируется во внешней плоскости и отражает возрастающую вовлеченность региона в сети взаимодействия с крупными акторами, что меняет параметры автономии и усложняет согласование региональной повестки.

Четвертая группа рисков связана с внутренними управленческими и социально-демографическими характеристиками, от которых зависит способность государств реализовывать совместные решения и поддерживать устойчивую динамику развития.

Эти направления образуют структуру, в которой изменения в одном блоке способны усилить или ослабить напряжение в других. Поэтому последующий анализ строится по тематическим блокам, отражающим наиболее значимые зоны концентрации рисков. Каждый блок рассматривается как самостоятельный элемент, однако интерпретация его последствий осуществляется с учетом влияния на другие направления региональной динамики.

Такая организация материала позволяет перейти к рассмотрению конкретных тем, которые далее анализируются как ключевые элементы геостратегической среды Центральной Азии в среднесрочной перспективе.

| Водные ресурсы

Контекст. Водный фактор в Центральной Азии остается в категории системного ограничения региональной устойчивости. Рост водного дефицита, деградация ирригационной инфраструктуры и высокая зависимость сельского хозяйства от трансграничных источников формируют устойчивую зону управленческого риска. Водная проблема усиливает уязвимость продовольственной безопасности, влияет на энергетические режимы и повышает вероятность межгосударственных трений в периоды климатических аномалий.

Ключевая особенность ситуации заключается не столько в абсолютной нехватке ресурсов, сколько в несоот-

Фокусные индикаторы. С точки зрения управления риском, водная повестка нуждается в переводе темы в практическую систему мониторинга. Для геостратегического управления вода должна стать измеряемой и предсказуемой.

Ключевым условием является постоянное **отслеживание гидрологической динамики** по основным бассейнам, поскольку изменение притока, сезонная волатильность и показатели наполнения водохранилищ напрямую формируют поведение государств и социальную устойчивость водозависимых территорий.

Одновременно необходим **учет состояния инфраструктуры**, к примеру, объем потерь воды в сетях и каналах, степень

Последствия. Если перейти к последствиям, то для Центральной Азии водный дефицит несет риск **региональных разногласий**. При усилении конкуренции государства будут склонны к двусторонним сделкам, ситуативным обменам и прагматическим «сезонным компро-

ветствии между масштабом вызова и уровнем координации. Существующие механизмы взаимодействия обеспечивают диалог и находятся в процессе формирования устойчивого режима совместного управления водно-энергетическим комплексом. Практическим механизмом могло бы стать создание Международной водной организации в структуре ООН, инициированной Президентом Казахстана в декабре 2025 года.

Таким образом, водный фактор выступает первичным ресурсным риском, способным мультиплицировать социальные, экономические и политические напряжения.

цифрового контроля, темпы модернизации гидроузлов и оросительных систем, а также наличие совместных проектов водосбережения.

Важно отдельно отслеживать **политико-институциональные индикаторы**, отражающие уровень взаимного доверия, в том числе, частоту спорных кейсов, переговорных эпизодов по квотам и режимам сброса, наличие согласованных сезонных графиков водно-энергообмена и сигналы **секьюритизации воды** в риторике.

Наконец, вода требует общественного контроля, где инциденты в дефицитных районах, снижение урожайности и миграционные движения являются индикаторами раннего предупреждения.

миссам», что снижает вероятность развития единой региональной повестки.

Каждое несогласованное действие может интерпретироваться как нарушение общего баланса. Это в итоге повышает транзакционные издержки всех видов взаимодействия.

В экономике водная угроза означает рост бюджетной нагрузки, поскольку модернизация инфраструктуры становится неизбежной, а увеличение стоимости воды влечет за собой повышение стоимости продовольствия, что усиливает социальные ожидания и чувствительность к ошибкам управления.

Рекомендации. С учетом этого наиболее рациональная стратегия на 2026–2027 годы должна заключаться в переходе от политических формул к управляемым механизмам, которые дают измеримый эффект и одновременно повышают доверие.

Первым практическим решением может стать запуск **региональной системы раннего предупреждения** на основе единого цифрового слоя мониторинга, который сделает водную тему предметом общей прозрачности. Это может быть реализовано в пилотном виде по одному-двум бассейнам с согласованием ограниченного набора индикаторов и формата обмена данными, что позволит сформировать практику совместного контроля и снизить пространство для взаимных интерпретаций.

Вторым приоритетом должна стать программа **снижения потерь воды** через модернизацию ирригационной инфраструктуры, поскольку главный резерв воды находится не в поиске новых источников, а в восстановлении утраченных объемов. Здесь необходимо выделение приоритетных участков модернизации, чтобы результат был видим в пределах года или ближайшей перспективы.

Третьим направлением следует считать разработку и применение формализованных **водно-энергетических сезонных протоколов стабильности**, которые позволят заранее устранять кризисы в пиковые периоды, снижая риск политизации решений.

В энергетике и промышленности ситуация усложняется из-за влияния водного режима на ГЭС и сезонное потребление, что в свою очередь снижает предсказуемость промышленной кооперации и инвестиционной привлекательности отдельных кластеров.

Четвертым элементом является формирование **финансового механизма** под водные проекты, который минимизирует политизацию и не превращает инфраструктурные решения в инструмент внешнего влияния.

Наконец, институциональный минимум должен быть построен не через попытку создать громоздкую структуру, а через несколько функциональных механизмов – технические комитеты по данным и учету воды, согласование стандартов и координацию трансграничных проектов, которые дают эффект без избыточной бюрократии.

В целом водная повестка в горизонте 2026-2030 годов становится системным геостратегическим фактором Центральной Азии. Она будет определять устойчивость продовольствия, энергетики, социальной стабильности и регионального доверия, а также влияет на реализацию транзитных коридоров через рост внутренних и внешних рисков. При сохранении текущих институциональных ограничений водная проблема будет переходить от дефицита к конкуренции, усиливая региональную фрагментацию и повышая возможности внешнего влияния. **Наиболее эффективная стратегия 2026-2027 заключается в переходе от деклараций к измеряемым инструментам** – мониторингу и цифровому учету, снижению потерь, сезонным протоколам устойчивости и институциональному минимуму по данным и управлению трансграничными решениями.

I Внешние игроки

Контекст. Материалы экспертных опросов 2023–2026 годов демонстрируют устойчивую тенденцию, того что **фактор внешних игроков** воспринимается как один из наиболее значимых драйверов, способных одновременно **расширять возможности** для развития Центральной Азии и создавать **системные уязвимости** для региональной кооперации.

В ответах экспертов разных стран неоднократно фиксируется мысль о том, что внешняя активность вокруг Центральной Азии усиливается на фоне общей трансформации мировой системы, роста экономико-технологической конкуренции, санкционной фрагментации и изменения логистической географии Евразии.

Важно подчеркнуть, что Центральная Азия заинтересована в диверсифицированных

связях и инвестициях. Однако, как показывают опросы, ключевые вызовы могут возникать **вокруг разрозненных национальных треков**, что способно порождать риск несогласованности стратегий, конкуренции приоритетов и различий в темпах сближения между странами региона.

В экспертных оценках также прослеживается связь данного вызова с другими комплексными рисками, такими как **водно-климатическая напряженность, инфраструктурная изоляция, сырьевая зависимость и дефицит человеческого капитала**. Это означает, что влияние внешних игроков воспринимается как фактор, способный усиливать или ослаблять способность региона коллективно отвечать на критические вызовы развития.

Фокусные индикаторы. Главной задачей 2026 года в данном блоке выступает обеспечение **сбалансированной региональной автономии** при сохранении открытости к международной кооперации. Иными словами, Центральной Азии необходимо **структурировать ее в интересах региона**, чтобы она поддерживала взаимосвязанность экономик, устойчивость инфраструктуры и институциональную зрелость сотрудничества.

Поэтому фокус мониторинга должен быть направлен на то, насколько форматы внешнего взаимодействия укрепляют **региональную связанность**, а не только национальные проекты. Практически это означает переход от оценки «количества инициатив» к оценке качества их архитектуры: **региональная добавленная стоимость** должна становиться одним из ключевых критериев.

В этом контексте целесообразно системно отслеживать следующие

признаки. Во-первых, растет ли доля внешних проектов, которые имеют **межстрановую интеграционную конструкцию** (транспортные сети, энергетические связи, единые цифровые решения).

Во-вторых, увеличивается ли число случаев, когда разные внешние инициативы начинают **конкурировать за ограниченные ресурсы** региона, в том числе коридоры, логистические мощности, энергетику, воду и кадровые ресурсы.

В-третьих, возрастает ли сложность **санкционных ограничений**, которые могут затрагивать цепочки поставок, финансовые операции и репутацию участников проектов.

В-четвертых, появляются ли элементы **двухскоростной кооперации**, когда группы стран оказываются встроенными в разные стратегические траектории, а общий региональный контур взаимодействия ослабевает.

Последствия. В стратегическом плане усиление конкуренции внешних игроков влияет на Центральную Азию через несколько взаимосвязанных механизмов.

Прежде всего, существует риск постепенного смещения региона из роли активного конструктора повестки в роль **географического пространства транзита и ресурсов**, то есть в режим, когда внешние акторы в большей степени определяют правила взаимодействия, стандарты проектов и параметры сопряжения инфраструктур. В таком сценарии Центральная Азия может сохранять внешнюю востребованность, но утратить часть способности формировать долгосрочные приоритеты развития на коллективной основе.

Второй эффект – институциональный. Опросы показывают, что при текущем уровне институционализации сотрудничества многие эксперты видят необходимость дополнительных механизмов координации. Если региональная архитектура недостаточно сильна, внешние инициативы объективно будут закрепляться через **двусторонние траектории**.

Отсюда следует одна из ключевых угроз 2030 года, отраженная в экспертных

ответах: **формирование новых линий напряженности между странами региона** и усиление конкуренции за водные и транспортные ресурсы.

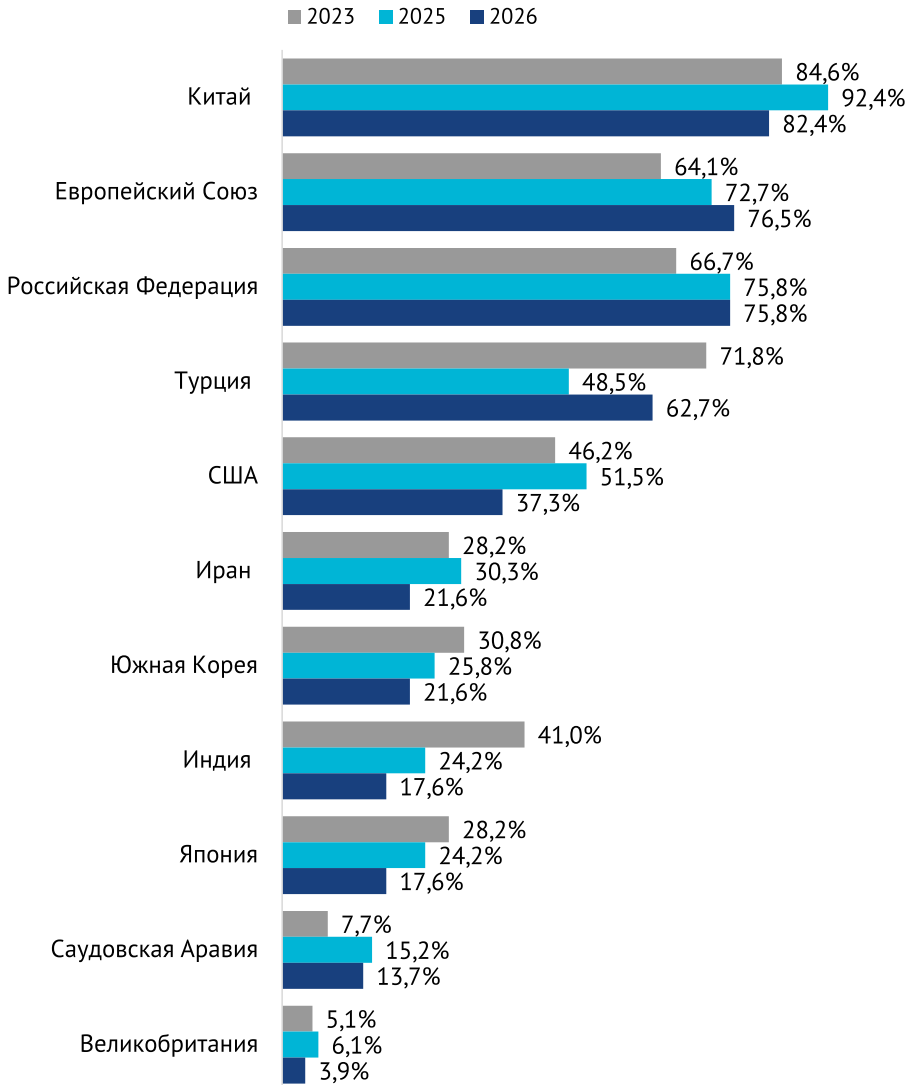
Третий эффект – нормативно-репутационный. В условиях глобальной политико-экономической турбулентности возрастает вероятность того, что коммерческие проекты будут приобретать вторичную политическую нагрузку, а участие в них может интерпретироваться как элемент более широких внешнеполитических позиций. Это усиливает **санкционные, правовые и репутационные риски** как для государств, так и для компаний, прежде всего в инфраструктурных, энергетических и логистических секторах.

Наконец, отдельного внимания требует то, что логика внешней конкуренции часто переносится в сам регион, провоцируя соперничество между странами за статус «ключевого хаба». Это может быть экономически оправдано, но при отсутствии согласованных правил увеличивает риск, что транспортная и энергетическая кооперация будет развиваться по принципу **параллельных конкурирующих маршрутов**, что может снижать коллективную устойчивость региона в периоды кризисов.

Рисунок 3. Приоритетные внешнеэкономические партнеры Центральной Азии в оценках экспертов (2023–2026 гг.), % респондентов

Назовите, пожалуйста, 5 наиболее приоритетных внешнеэкономических партнеров для Центральной Азии?

Источник: экспертный опрос, КИСИ, 2023–2026 гг.

Рисунок 3 отражает структуру приоритетных внешнеэкономических партнеров Центральной Азии в экспертных оценках и показывает устойчивую многовекторность внешнего контура региона. Китай сохраняет ведущие позиции, что отражает его роль в инфраструктурных и инвестиционных проектах. Одновременно растет значимость Европейского Союза, что указывает на расширение экономических и технологических связей западного направления. Российская Федерация остается одним из ключевых партнеров, прежде всего в энергетике, транспорте и трудовой мобильности. Турция усиливает позиции как связующее звено с Южным Кавказом и Средиземноморским направлением. Снижение доли США и ряда азиатских партнеров в оценках последних лет отражает изменение глобальной геоэкономической динамики и перераспределение внимания региона. В совокупности структура показывает не переход к одновекторности, а сохранение баланса между различными центрами экономического притяжения.

Рекомендации. В 2026-2027 годах региону целесообразно перейти к более системному подходу, который можно определить как **управление внешней вовлеченностью через региональные приоритеты**. Центральная Азия заинтересована в активном сотрудничестве с международными партнерами через инвестиции, технологии, выход на глобальные рынки, развитие транспортно-логистического потенциала. Вместе с тем ключевой практический вопрос состоит в том, чтобы внешняя кооперация не разрушала региональную повестку, а усиливала ее.

Для этого важны четыре направления действий.

Первое направление – формирование **единых принципов региональной координации**. Это не должно восприниматься как закрытость или блоковость. Напротив, речь идет о прагматичном инструменте согласования: инфраструктура, вода, энергетика, безопасность, цифровизация. Это ключевые сферы, в которых необходимо выработать общие рамки, чтобы минимизировать конфликт интересов и сохранить предсказуемость.

Второе направление – укрепление практики **«общих региональных позиций»** по чувствительным вопросам. В опросах заметно, что эксперты часто отмечают важность синхронизации усилий в секторе водно-энергетического потенциала, развития транспортных коридоров, совместного привлечения инвестиций и проектов по климату. Именно эти блоки целесообразно переводить в более согласованные региональные решения,

особенно в тех случаях, когда они выходят на международные переговорные площадки и форматы C5+1/C6.

Третье направление – институционализация процедур снижения рисков, включая **санкционный комплаенс** и репутационную устойчивость. Необходимо, чтобы крупные инфраструктурные и энергетические проекты сопровождались едиными региональными стандартами оценки рисков и прозрачности. Это позволит избежать ситуаций, когда спорные проектные решения одной стороны транслируют негативный эффект на весь регион.

Четвертое направление – создание механизмов «анти-фрагментации» региональных инициатив. К примеру, крупные внешние проекты могут оцениваться по принципу **укрепляет ли он связанность Центральной Азии или усиливает разрывы**. Если проект усиливает фрагментацию, целесообразно рассматривать его адаптацию в мультистрановую форму (консорциумы, региональные компоненты, открытые стандарты, взаимодополняющая маршрутизация).

Наряду с этим, можно выделить координацию перед ключевыми региональными мероприятиями на уровне МИД и профильных ведомств; разработку краткого перечня региональных приоритетов для международных партнеров; и запуск постоянной практики «согласования позиций» по стратегическим направлениям, таким как инфраструктура, вода, цифровая связанность и безопасность.

I Транзитный хаб и коридоры

Контекст. Экспертные опросы показывают высокую устойчивость нарратива о том, что **Центральная Азия рассматривается как формирующийся транзитный хаб Евразии.** Этот тренд многократно фиксируется в ответах как один из наиболее вероятных сценариев к 2030 году и одновременно как одно из важнейших направлений экономической кооперации. По сути, формируется общее понимание, что транспортно-логистическая функция региона постепенно становится структурообразующим фактором роста наряду с энергетикой, цифровизацией и инвестициями.

Одновременно опросы демонстрируют и риски роста напряжения по поводу транзитного потенциала. В экспертных формулировках регулярно повторяется мотив о **«росте конкуренции между странами Центральной Азии за транспортные потоки»**, а также риск возникновения новых линий соперничества, когда инфраструктурные приоритеты

начинают восприниматься как игра с нулевой суммой.

Особое место в этом контексте занимает **Каспийское направление**, включая транскаспийские маршруты и сопряжение с Южным Кавказом, Турцией и европейскими рынками. Для стран региона Каспий выступает одновременно как пространство инфраструктурного расширения и как зона, где пересекаются интересы крупных внешних партнеров. Дополнительную геостратегическую динамику усиливает расширение форматов регионального взаимодействия, включая присоединение Азербайджана к Консультативной встрече глав государств Центральной Азии (КВГГЦА), что фактически расширяет контур кооперации Центральной Азии на каспийско-кавказское измерение. В этих условиях развитие коридоров (включая Средний коридор и смежные мультимодальные направления) воспринимается экспертами как одна из наиболее перспективных точек роста.

Фокусные индикаторы. Ключевой практический вызов в сфере коридоров заключается в том, что инфраструктурные проекты сами по себе не гарантируют транзитного успеха. Конкурентоспособность коридора определяется не столько наличием маршрута на карте, сколько тем, насколько он является **предсказуемым, быстрым, цифровизированным и управляемым** с точки зрения участников рынка.

При этом эксперты в опросах обращают внимание на важность устранения **«узких мест»**. Это включает проблемы на границах и в пунктах пропуска (очереди, различия в требованиях к грузам), а также бюрократические процедуры и контроль, ограниченную инфраструктурную пропускную способность и недостаточную стыковку национальных логистических решений в единую систему.

Важным отдельным элементом становится вопрос **данных и цифровой совместимости.** Без цифрового сопровождения транзита в виде обмена предварительной информацией, электронных документов, согласованных требований к транзитным декларациям, прозрачных данных о тарифах и пропускной способности, даже перспективный маршрут остается уязвимым для задержек и нестабильности.

Поэтому фокус мониторинга должен быть смещен на конкретные измеримые параметры, в том числе время прохождения границы, число контрольных операций, долю цифровых документов, прозрачность тарифов, коэффициент предсказуемости логистики, наличие механизмов «единого окна» и межведомственной координации.

Последствия. С точки зрения геостратегических последствий, логистическая повестка открывает для региона окно возможностей. В ближайшие годы транспортные маршруты и альтернативные коридоры будут оставаться одним из ключевых элементов евразийской конкуренции, а значит Центральная Азия и Каспий объективно находятся в положении, когда **спрос на сопряжение** высок. Это создает шанс закрепить новый тип регионального развития.

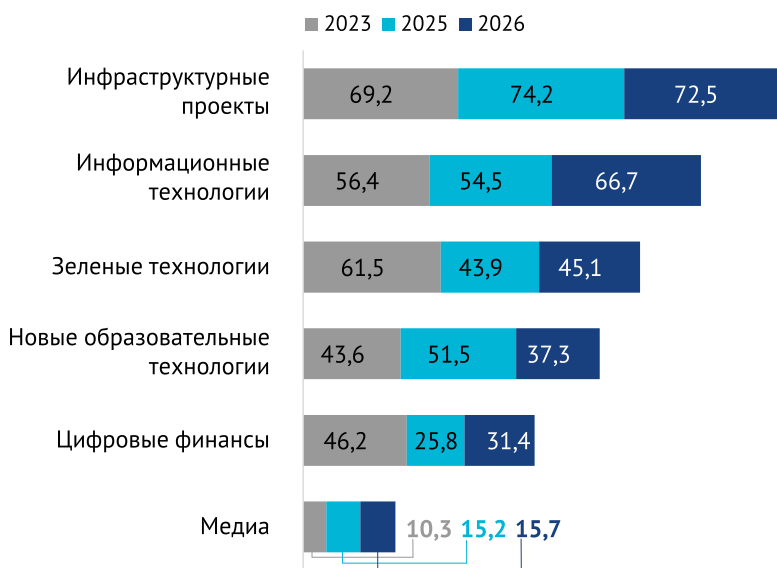
Если страны региона будут продвигать коридоры преимущественно в национальном формате, без общей архитектуры процедур, тарифов и стандартов, то

транзитная конкуренция может усилиться в ущерб взаимодополняемости. В этом случае Центральная Азия может оказаться пространством параллельных маршрутов, конкурирующих за одни и те же потоки и инвестиции.

Кроме того, следует учитывать, что конкуренция маршрутов усиливается и на внешнем контуре. Морские логистические решения также претендуют на перераспределение евразийских потоков. Поэтому слабость внутренней координации может привести к тому, что регион будет проигрывать по качеству управления, предсказуемости и институциональной эффективности.

Рисунок 4. Перспективные сферы экономического роста стран Центральной Азии в оценках экспертов (2023–2026 гг.), % респондентов

Какие из перспективных сфер могут стать точками роста для Центральной Азии?

Источник: экспертный опрос, КИСИ, 2023–2026 гг.

Рисунок 4 демонстрирует, что представления экспертов о будущих точках роста Центральной Азии формируют четко выраженный инфраструктурно-цифровой вектор развития. Инфраструктурные проекты стабильно занимают первое место, что отражает понимание региона как пространства логистического сопряжения и транспортного узла Евразии. Усиливается роль информационных технологий, что указывает на переход к цифровому измерению экономической связанности. Значительное внимание сохраняется к «зеленым» технологиям, подтверждая восприятие климатической и ресурсной повестки как фактора экономической модернизации. Образовательные технологии и цифровые финансы дополняют эту картину, формируя контур экономики, основанной на знаниях и сервисах. В совокупности структура ответов показывает смещение от сырьевой модели к инфраструктурно-технологической траектории развития.

Рекомендации. В 2026–2027 годах уместно сместить акцент с обсуждения коридоров как перспективного направления на более практическую задачу: **формирование транзита как регионально управляемого продукта**, где ключевыми становятся, в том числе и качество сервиса, предсказуемость, скорость и единые принципы взаимодействия. Важно подчеркнуть, что устойчивость транзитной роли Центральной Азии и Каспия в международной конкуренции определяется не столько географией, сколько **институциональной и операционной совместимостью**, понятной глобальным грузоотправителям и логистическим операторам.

Первый возможный блок действий связан с формированием **согласованного экспертного и бизнес-видения** по коридорам как единой экосистеме. К примеру, аналитики, логистические операторы, перевозчики и отраслевые ассоциации могли бы представить рыночный взгляд на развитие транспортных коридоров. Важно учесть какие участки являются критическими, какие процедуры дают наибольшие задержки, какие решения дадут наибольший эффект. В опросах КИСИ эксперты прямо подчеркивают, что узким местом остается институционализация кооперации в транспорте. И здесь востребована единая рамка

согласованных правил и принципов, понятная рынку.

Второе направление – ускоренная **цифровизация и обмен данными**, но с акцентом на совместимость и интеграцию. Здесь критически важна роль операторов, логистических компаний, брокеров, цифровых сервисов и отраслевых ассоциаций как инициаторов практических решений. Речь идет о расширении использования электронных накладных, предварительного декларирования, цифрового сопровождения контейнеров, обмена данными о рисках и внедрения элементов «единого окна» для транзита.

Третье направление – создание условий для **укрепления придорожной инфраструктуры**. Транзитный маршрут требует операционную экосистему, включая пункты отдыха, сервисные зоны, логистические центры, складские решения, ремонтную инфраструктуру, объекты питания, санитарные зоны и безопасные стоянки. В этой сфере государство почти всегда уступает бизнесу по скорости, качеству и экономической рациональности. Напротив, когда сервисная инфраструктура развивается как частная инициатива, она становится естественным источником дохода, инвестиций и инноваций.

Институционализация Центральной Азии

Контекст. В экспертных оценках последних лет отчетливо проявляется двойственность восприятия региональной институционализации. С одной стороны, значительная часть респондентов указывает на недостаточный уровень формализации сотрудничества, особенно в прикладных сферах, в том числе транспорте, управлении водными ресурсами, энергетической координации и продовольственной безопасности. Региональное взаимодействие воспринимается как политически востребованное, но институционально «незакрепленное».

С другой стороны, в ответах звучит и противоположный мотив, опасение дублирования форматов и «институциональной перегрузки». Часть экспертов

отмечает, что создание новых структур без четкой функциональной ниши может привести к распылению внимания, конкуренции между площадками и формальному, а не содержательному взаимодействию. В этом контексте институционализация воспринимается как инструмент, который должен быть строго соразмерен задачам.

Центральная Азия одновременно испытывает дефицит рабочих институтов в отдельных секторах и скепсис по отношению к избыточной формализации, если она не приносит измеримого эффекта. Это отражает переход региона от стадии политического «сближения» к стадии, где требуется более тонкая, функциональная архитектура сотрудничества.

Фокусные индикаторы. В этих условиях ключевой вопрос смещается с «создания новой организации» на более прикладной уровень. **Какие именно функции нуждаются в институциональной оболочке в первую очередь?** Экспертные оценки позволяют говорить о том, что наибольшая потребность в устойчивых механизмах связана с тремя направлениями: водно-энергетической координацией, транспортно-коридорной повесткой и вопросами региональной устойчивости (продово-

льстве, климат, гуманитарные риски).

Фокус, таким образом, должен быть на **выборе 2–3 функциональных треков**, где институты работают как сервисные механизмы. К примеру, сбор и обмен данными, техническая координация, согласование процедур, мониторинг выполнения договоренностей. Такой подход может снизить риск бюрократизации и сделать институционализацию инструментом поддержки политики.

Рисунок 5. Оценка экспертами уровня институционализации регионального сотрудничества в Центральной Азии (2023–2026 гг.), % респондентов

Источник: экспертный опрос, КИСИ, 2023–2026 гг.

Рисунок 5 демонстрирует смещение экспертных оценок от запроса на создание крупной региональной организации к поддержке функциональной, отраслевой институционализации. Если в 2023 году доминировала позиция о недостаточности текущих механизмов и необходимости создания отдельной организации стран Центральной Азии, то к 2026 году большинство респондентов считают существующий уровень кооперации частично достаточным при условии институционализации в конкретных секторах. Доля сторонников «большой» организационной модели заметно снижается, тогда как крайние позиции (полная достаточность или избыточность институтов) остаются маргинальными. Это указывает на формирование консенсуса вокруг прагматичной модели «легкой институционализации», ориентированной на функциональные механизмы, а не на создание наднациональной структуры.

Последствия. Отсутствие устойчивых институтов может создавать для региона дополнительные издержки. Водная, транспортная и энергетическая повестки по своей природе требуют регулярной синхронизации решений, обмена информацией и предсказуемости правил.

При дефиците институциональной координации возрастает вероятность несогласованных проектов, дублирования инициатив, задержек в реализации кори-

доров и усиления сезонных напряжений. Это может приводить к избыточному информационному шуму.

Одновременно риск «избыточной» институционализации без четких мандатов может привести к обратному эффекту (к примеру, формальному существованию структур при отсутствии реального влияния на процессы). Это снижает доверие к самим форматам и создает ощущение усталости от интеграционных инициатив.

Рекомендации. В этой связи наиболее рациональным подходом может быть модель «легкой институционализации», где приоритет отдается не созданию крупной надстройки, а формированию компактных функциональных механизмов. Уместно рассматривать запуск небольшого координационного секретариата или платформы, который выполняет роль узла по обмену данными, поддержке встреч, мониторингу решений и сопровождению отраслевых треков.

Дополнительно может быть полезным формирование **секторальных технических комитетов** по приоритетным направлениям (воде, транспорту, энергетике, климату) с четко очерченными мандатами и регулярным циклом работы. Такие механизмы могли бы позволить переводить политические договоренности

в практическое измерение без избыточной институциональной нагрузки.

Финансовое измерение также может развиваться в «легкой» форме через целевые фонды или проектные окна под региональные инициативы, что обеспечивает поддержку совместных проектов.

В целом задача 2026–2027 годов может заключаться в том, чтобы институционализация в Центральной Азии воспринималась как **повышение управляемости и регулярности регионального взаимодействия**. Такой подход позволяет сбалансировать потребность в устойчивых механизмах с осторожностью в отношении избыточной формализации, сохраняя гибкость и практическую направленность региональной кооперации.

Социально-экономическая уязвимость

Контекст. В экспертных оценках социально-экономическое положение населения устойчиво фигурирует среди ключевых рисков для стран Центральной Азии. Эта тема рассматривается как **фактор региональной устойчивости**, способный усиливать или, напротив, ослаблять геостратегические позиции государств. Социальная стабильность, доступность занятости, динамика цен и уровень неравенства формируют основу общественного доверия и предсказуемости, без которых реализация даже самых продвинутых инфраструктурных и интеграционных проектов оказывается затруднительной.

Особенность текущего периода заключается в том, что социально-экономическая уязвимость носит **комплексный характер**. Рост населения и демографическое давление в ряде стран региона повышают нагрузку на рынки

труда, системы образования и городскую инфраструктуру. Одновременно высокая доля занятости в неформальном секторе, зависимость отдельных отраслей от внешней конъюнктуры и чувствительность к ценовым колебаниям на продовольствие и энергоносители усиливают подверженность обществ внешним и внутренним шокам.

Региональные различия также становятся более заметными. Усиливается контраст между динамично развивающимися городскими центрами и сельскими территориями, где доступ к услугам, инфраструктуре и возможностям занятости остается ограниченным. В результате социально-экономическая тема постепенно превращается в **сквозной контекст**, в котором реализуются другие стратегические направления, в том числе транзитные коридоры и водно-энергетические проекты.

Фокусные индикаторы. В этом контексте ключевым фокусом становится не столько общий уровень экономического роста, сколько его **социальное качество**. Особое значение имеют параметры занятости, прежде всего создание рабочих мест для молодежи и в регионах с ограниченной диверсификацией экономики. Динамика цен на продовольствие и базовые услуги остается чувствительным индикатором, поскольку именно она напрямую влияет на восприятие экономической устойчивости.

Важным направлением мониторинга является и неравенство, как межрегиональное, так и внутригородское, поскольку

оно влияет на доступ к возможностям и на уровень социального напряжения. Отдельное внимание уместно уделять устойчивости городов и сельских территорий, к примеру, состоянию инфраструктуры, доступности социальных услуг, качеству транспортной и логистической связанности, что определяет способность территорий адаптироваться к шокам.

Таким образом, социально-экономическая повестка требует комплексного наблюдения за взаимосвязанными параметрами, такими как занятость, цены, региональные диспропорции, демографическая динамика, состояние городской и сельской инфраструктуры.

Последствия. Социально-экономическая уязвимость оказывает прямое влияние на геостратегическую устойчивость региона. При накоплении внутренних

напряжений возрастает риск роста протестного потенциала и усиления чувствительности обществ к экономическим и информационным воздействиям.

Даже ограниченные экономические шоки могут приобретать политическое измерение, если они накладываются на уже существующие ожидания и социальные дисбалансы.

Дополнительным следствием может становиться усиление миграционного давления, как внутреннего, между регионами и странами Центральной Азии, так и внешнего. Это влияет на рынки труда, системы социальной поддержки и демографическую структуру, созда-

вая новые вызовы для управляемости и планирования.

Социально-экономическая нестабильность также снижает способность государств концентрироваться на долгосрочных стратегических проектах. В условиях повышенной внутренней чувствительности внимание и ресурсы смещаются к краткосрочному реагированию, что может замедлять реализацию региональных инфраструктурных и интеграционных инициатив.

Рекомендации. В этих условиях может быть полезным рассматривать социально-экономическую устойчивость как сферу, где региональное взаимодействие дополняет национальные усилия. Одним из направлений может стать развитие совместных инициатив в области продовольственной безопасности и логистики, направленных на снижение ценовой волатильности и обеспечение предсказуемости поставок. Координация в аграрной и логистической сферах способна смягчать влияние внешних шоков и укреплять взаимную устойчивость.

Уместно также рассмотреть расширение региональных программ в сфере занятости и образования, особенно в части обмена опытом, подготовки кадров

и поддержки мобильности специалистов. Вовлечение образовательных, технологических и деловых сообществ может способствовать формированию более интегрированного рынка труда и снижению дисбалансов.

Отдельное значение имеет развитие механизмов антикризисной координации, в том числе обмена информацией, согласования мер в периоды ценовых или экономических колебаний, что повышает предсказуемость и снижает эффект неожиданности. В целом такие шаги позволяют рассматривать социально-экономическую устойчивость не только как внутренний вопрос каждой страны, но и как элемент общей региональной стабильности.

I Демография и миграция

Контекст. Демографическая динамика постепенно превращается в один из ключевых долгосрочных факторов, формирующих социально-экономический и геостратегический контекст Центральной Азии. Уже в текущих экспертных оценках демография все чаще рассматривается как зона нарастающего риска, а к горизонту 2030 года ее влияние, по всей вероятности, станет еще более ощутимым. Рост населения в ряде стран региона усиливает нагрузку на системы образования, здравоохранения, занятости и городскую инфраструктуру, одновременно формируя значительный потенциал человеческого капитала.

Параллельно усиливается миграционная подвижность, как внутри региона, так и за его пределами. Трудовая миграция становится структурным элементом

экономических моделей, влияя на доходы домохозяйств, рынки труда и демографический баланс.

Одновременно ускоряется урбанизация. Крупные города притягивают молодое население, тогда как сельские территории сталкиваются с оттоком трудоспособных кадров. В результате демография начинает играть роль фактора, меняющего структуру экономической активности и инфраструктурной нагрузки.

Особенность текущего этапа заключается в том, что демографические процессы развиваются быстрее, чем адаптируются институты рынка труда и социальной инфраструктуры. Это формирует зону социального напряжения между растущими ожиданиями и реальными возможностями экономик.

Фокусные индикаторы. Ключевое внимание в этой сфере сосредотачивается на параметрах трудовой миграции внутри региона, динамике урбанизации и формирующихся кадровых разрывах. Важно отслеживать масштабы перемещения рабочей силы и ее квалификационную структуру, поскольку именно несоответствие между подготовкой кадров и потребностями экономики создает дополнительные риски.

Существенным индикатором остается состояние городских сервисов и инфраструктуры (транспорт, жилье, коммунальные системы, образование и здравоохранение), которые оказывают

ся под возрастающим давлением в условиях притока населения. Одновременно необходимо учитывать ситуацию в сельских и периферийных регионах, где отток трудоспособного населения влияет на экономическую активность и социальную устойчивость.

Таким образом, демографическая повестка требует комплексного наблюдения за взаимосвязанными процессами, в том числе мобильностью рабочей силы, урбанизацией, качеством человеческого капитала и способностью инфраструктуры адаптироваться к изменяющимся нагрузкам.

Последствия. Рост демографического давления и миграционной подвижности создает для региона ряд стратегических последствий. Усиливается конкуренция

за человеческий капитал. Это может приводить к неравномерному распределению квалифицированных кадров и усиливать различия в уровне развития.

При отсутствии достаточной адаптации рынков труда и социальной инфраструктуры возрастает риск социального недовольства, связанного с занятостью, доступом к услугам и условиями жизни в быстрорастущих городах. Нагрузка на сервисы может снижать качество городской среды и усиливать чувствительность обществ к экономическим колебаниям.

Одновременно миграционные процессы усиливают взаимозависимость стран региона. Денежные переводы, трансграничные трудовые потоки и образовательная мобильность становятся частью общей экономической архитектуры. Это открывает возможности для кооперации, но при слабой координации может приводить к дисбалансам и дополнительной уязвимости к внешним шокам.

Рекомендации. В этом контексте может быть полезным развитие согласованных подходов к трудовой мобильности внутри региона. Уместно рассматривать постепенное сближение процедур и режимов, облегчающих законную трудовую деятельность и защищающих права работников, что повышает предсказуемость и снижает неформальность.

Существенным направлением может стать расширение практики переквалификации и внедрения новых образовательных инструментов, что могло бы способствовать более эффективному использованию человеческого капитала и снижению кадровых разрывов. Вовлечение образовательных учреждений, профессиональных ассоци-

аций и делового сообщества может придать этим процессам практическое измерение.

Дополнительно целесообразно развивать совместные образовательные и профессиональные траектории. К примеру, региональные программы подготовки кадров, координацию в сфере технического и профессионального образования. Такие шаги способствуют формированию более интегрированного регионального рынка труда и повышают устойчивость экономик к демографическим и внешним вызовам. В целом демографическая и миграционная повестка может рассматриваться как сфера, где координация и обмен опытом усиливают адаптационные возможности стран.

Идентичность, ценности и информационное пространство

Контекст. В экспертных оценках вопросы идентичности, ценностных разломов и информационной среды хотя и не всегда занимают первые позиции, но проявляются устойчиво как фоновые, нарастающие факторы риска. Их значимость связана с тем, что социальные и экономические процессы все чаще проходят через призму восприятия, а информационная среда становится пространством, где формируются ожидания, доверие и интерпретации событий.

Регион характеризуется многообразием исторических, культурных и религиозных традиций, что само по себе является ресурсом, однако при определенных условиях может становиться линией чувствительности. В условиях активного развития цифровых платформ и трансграничных информационных потоков усиливается роль медиа-среды и публичных нарративов, которые способны как укреплять региональное взаимопонимание, так и усиливать разобщенность.

Фокусные индикаторы. Ключевым фокусом в данной сфере становится качество информационной среды и динамика общественных нарративов. Важно отслеживать характер медийной дискуссии по чувствительным вопросам (межэтнические отношения, историческая память, социальные различия, религиозная тематика), а также уровень распространения дезинформации и манипулятивных интерпретаций.

Существенное значение имеет способность обществ различать достоверную

информацию и эмоционально окрашенные или поляризующие сообщения. Отдельного внимания требует взаимодействие между национальными медиа-пространствами стран региона, поскольку именно здесь формируется взаимное восприятие и уровень доверия.

Таким образом, информационно-ценностная сфера требует наблюдения за устойчивостью институтов, обеспечивающих профессиональную журналистику, медиаграмотность и ответственную публичную дискуссию.

Последствия. Поляризация в информационном и ценностном пространстве способна усиливать уязвимость обществ к внешним информационным воздействиям. При наличии внутренних напряжений даже ограниченные информационные кампании могут приобретать непропорциональный эффект, влияя на общественные настроения и восприятие регионального сотрудничества.

Это, в свою очередь, может осложнять межгосударственное доверие, поскольку интерпретации событий в медийной среде способны формировать общественные

ожидания, которые не всегда совпадают с логикой дипломатического диалога. В долгосрочной перспективе информационная поляризация может затруднять реализацию совместных проектов, если они воспринимаются через призму недоверия или конкурирующих нарративов.

Одновременно следует подчеркнуть, что информационная среда является и пространством для укрепления взаимопонимания. При соответствующем развитии профессиональных и образовательных инициатив она может становиться фактором региональной устойчивости.

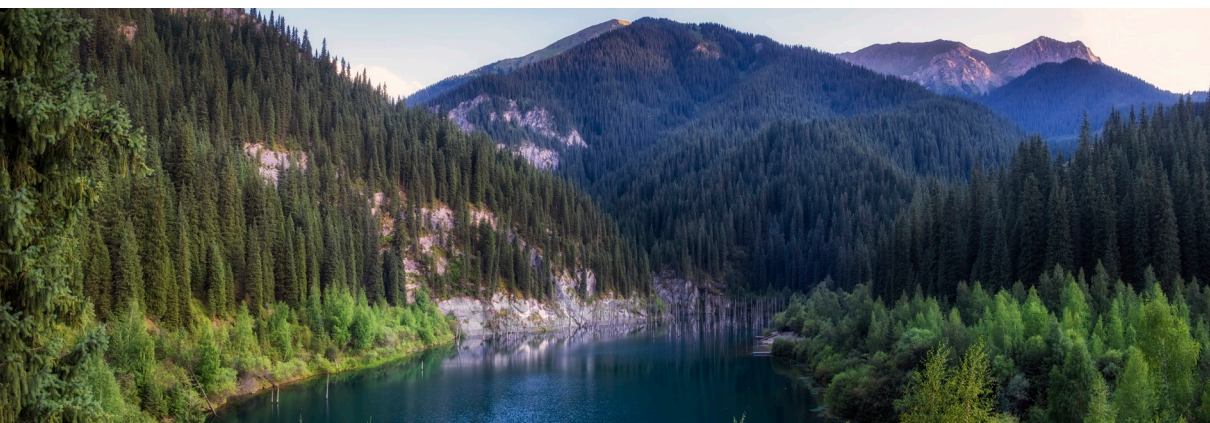
Рекомендации. В этом контексте может быть полезным развитие совместных принципов информационной гигиены и профессиональных стандартов, направленных на повышение качества публичной дискуссии. Важно подчеркнуть, что речь идет, в первую очередь, о поддержке профессиональных и образовательных инициатив, укрепляющих медиаграмотность и аналитическую культуру.

Уместно рассматривать расширение обмена аналитикой между исследовательскими и экспертными структурами стран региона, что способствует более взвешенной интерпретации чувствительных тем. Региональные образовательные и медийные инициативы (совместные мероприятия, профессиональные диалоги) могут укреплять взаимопо-

нимание и снижать пространство для поляризующих интерпретаций.

Дополнительно может быть полезным развитие координации по противодействию дезинформации в профессиональном формате, основанном на фактической проверке и экспертной работе, без использования цензуры. Такой подход способствует укреплению доверия к информационным институтам и снижает уязвимость обществ к манипулятивным воздействиям.

В целом ценностно-информационная повестка может рассматриваться как элемент «мягкой инфраструктуры» региона, от состояния которой зависит устойчивость взаимодействия в экономической, социальной и политической сферах.

I Выводы

Совокупность представленных тем показывает, что геостратегическая динамика Центральной Азии в текущем году все в меньшей степени определяется отдельными событиями и все в большей **взаимосвязанной системой факторов**, формирующих единую среду региональной устойчивости.

Экспертные оценки демонстрируют, что водный стресс, конкуренция внеш-

них игроков, транзитная трансформация, институциональные вопросы, социально-экономическая уязвимость, демографическое давление и информационно-ценностные различия могут усиливать друг друга. В результате формируется **геостратегическая архитектура вызовов**, где изменения в одном секторе неизбежно отражаются на других.

Рисунок 6. Потенциальные риски фрагментации и усиления конкуренции в Центральной Азии в оценках экспертов (2023–2026 гг.), % респондентов

Источник: экспертный опрос, КИСИ, 2023–2026 гг.

Рисунок 6 отражает восприятие экспертами факторов, способных усилить региональную фрагментацию. Наиболее устойчивым риском остается усиление борьбы внешних игроков за влияние, что подтверждает сохранение внешнего давления как системного фона развития региона. Одновременно фиксируется рост обеспокоенности конкуренцией за водные ресурсы и транспортные потоки, что свидетельствует о переходе инфраструктурной и ресурсной повестки в плоскость потенциальных межгосударственных трений. Формирование новых линий напряженности и ослабление роли отдельных региональных форматов также воспринимаются как возможные, но вторичные риски. В совокупности данные указывают на вероятность нарастания фрагментационных тенденций при отсутствии эффективных координационных механизмов.

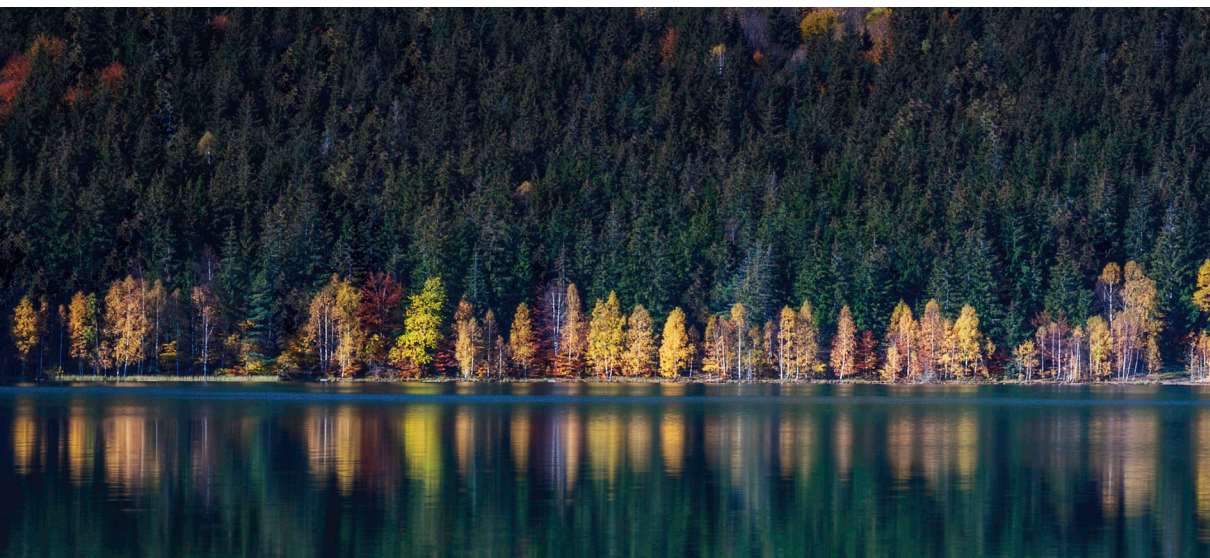

Рисунок 7. Ожидаемые направления усиления связности и субъектности Центральной Азии в оценках экспертов (2023–2026 гг.), % респондентов

Отметьте, пожалуйста, 5 наиболее вероятных тренда в Центральной Азии в 2030 году?

Источник: экспертный опрос, КИСИ, 2023–2026 гг.

Рисунок 7 демонстрирует параллельный консолидационный вектор развития региона. Превращение Центральной Азии в транзитный хаб остается наиболее устойчивым ожиданием, что подчеркивает роль логистической связности как структурной основы регионального роста. Существенное значение придается также координации усилий в сфере безопасности и повышению субъектности региона на мировой арене. Экономическая самостоятельность и появление новых форматов сотрудничества рассматриваются как дополнительные элементы этой динамики. В совокупности оценки показывают, что наряду с рисками фрагментации сохраняется мощный потенциал интеграционного развития, основанный на инфраструктуре, безопасности и совместной внешней позиции.

Ключевая особенность текущего этапа состоит в том, что **внешние риски все чаще проявляются через внутренние каналы**. Конкуренция внешних игроков усиливает фрагментацию инфраструктурных проектов и политизацию экономических решений; инфраструктурные ограничения, в свою очередь, замедляют рост и повышают социальную

чувствительность; институциональная слабость затрудняет согласование региональных ответов; а социально-экономическая обстановка и информационные вбросы могут снижать устойчивость обществ к внешним и внутренним шокам. Таким образом, формируется контур взаимовлияющих факторов:

В этом контексте водная повестка выступает базовым ресурсным уровнем риска, транзитные коридоры – экономико-инфраструктурным уровнем, институционализация – уровнем управляемости, а социально-демографическая и информационная динамика – уровнем общественной устойчивости. Нарушение баланса на любом из этих уровней способно транслироваться в другие. Поэтому устойчивость региона определяется не максимизацией одного направления, а **согласованностью и гармоничностью развития всех четырех уровней**.

При этом экспертные оценки показывают, что регион находится в зоне возможностей. Центральная Азия постепенно закрепляется как транзитный и экономический узел между Европой и Азией, наращивает субъектность, расширяет форматы сотрудничества и усиливает интерес со стороны ключевых внешних партнеров. Однако именно рост значения региона делает критически важным переход от реактивной модели управления к более координированной и предсказуемой логике действий. **Геостратегическая устойчивость все больше зависит от качества региональной управляемости**.

С этой точки зрения, ключевая задача ближайших лет заключается

в постепенном формировании **управляемой связанности региона**. Такой подход будет позволять удерживать баланс между национальными приоритетами и региональной логикой, что особенно важно в условиях активного внешнего интереса к региону.

Экспертные оценки показывают, что региональная устойчивость формируется через взаимодействие ресурсных, инфраструктурных, институциональных и социальных факторов. В этой логике Центральная Азия входит в фазу, где устойчивость определяется уровнем управляемой связанности инфраструктуры, институтов и общества.

В целом, геостратегическая ситуация 2026 года показывает, что будущее Центральной Азии будет определяться способностью региона **внутренне синхронизировать инфраструктуру, институты и общественную устойчивость**. Именно эта связанность формирует основу для долгосрочной стабильности, предсказуемости и привлекательности региона для партнеров. В этом смысле Центральная Азия сегодня находится в точке, где риски и возможности развиваются параллельно, а решающим фактором становится качество координации и доверия.

ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ НА 2026-2030

Отправной точкой сценарного анализа выступает базовый тезис исследования о том, что ключевые внешние риски для Центральной Азии проявляются через внутренние каналы региональной системы, формируя связанный контур взаимодействия **внешней среды, инфраструктуры, институтов и общественной устойчивости**.

Для анализа используется матрица из двух ключевых неопределенностей.

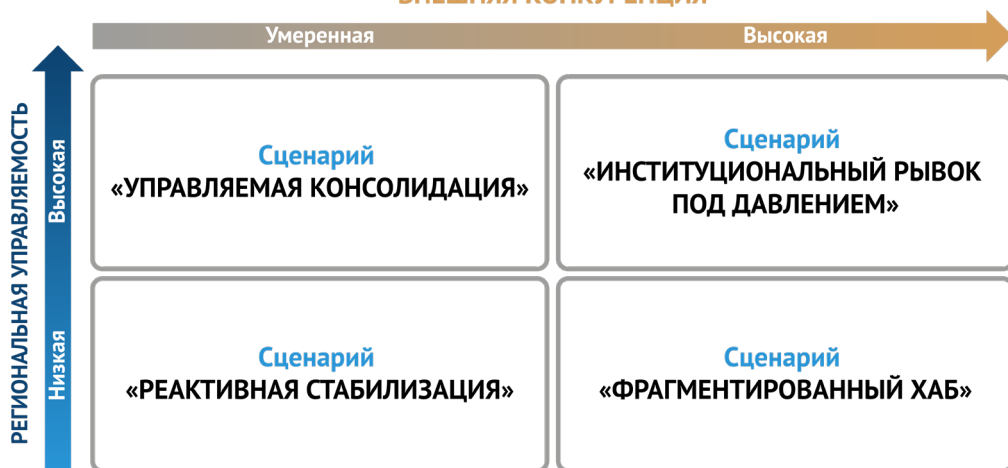
Первая отражает интенсивность внешней конкуренции и степень политизации эко-

номических решений, включая санкционные, правовые и репутационные риски для инфраструктурных, энергетических и логистических проектов.

Вторая характеризует качество региональной управляемости, то есть степень согласованности правил, процедурной предсказуемости и способности удерживать общую повестку, что фактически означает переход от реактивной модели к координированной практике взаимодействия. Сочетание этих параметров формирует четыре возможных сценария.

Сценарная матрица

ВНЕШНЯЯ КОНКУРЕНЦИЯ

I Сценарий «Управляемая консолидация»

Внешняя конкуренция есть, но регион умеет действовать согласованно через правила и процедуры.

Внешние проекты усиливают связанность и не провоцируют внутригосударственные и межгосударственные конфликты интересов.

Ключевые признаки:

- прохождение границ идет быстро и предсказуемо;
- водные вопросы решаются по заранее согласованным графикам;
- регулярная работа технических ведомств и рабочих групп независимо от саммитов;
- крупные проекты оформляются в многостороннем формате и с сопоставимыми требованиями к данным и документам.

Ранние индикаторы (2026-2027):

- рост доли совместных процедурных решений по транзиту (документы/данные/КПП);
- снижение числа случаев, когда инфраструктурные проекты получают вторичную политическую нагрузку;
- появление устойчивых механизмов предотвращения «переноса» внешней конкуренции внутрь региона.

I Сценарий «Институциональный рывок под давлением»

Внешнее давление и политизация решений усиливаются, но регион отвечает ускорением координации. Внешняя вовлечённость управляется через региональные приоритеты, а процедуры становятся более предсказуемыми.

Ключевые признаки:

- создаются постоянные технические комитеты и координационные структуры;
- унификация процедур и обмен данными запускаются как ответ на кризисы и риски;
- водные вопросы решаются совместно в сложные сезоны на основе согласованных режимов;

- формируются общие позиции на внешних площадках и механизмы предварительной оценки политико-правовых рисков проектов.

Ранние индикаторы (2026-2027):

- запуск постоянного механизма мониторинга рисков и процедурной совместимости;
- появление стандартов предварительной проверки санкционных/правовых/репутационных рисков по крупным проектам;
- снижение внутренней конкуренции за статус хаба за счёт согласованного распределения функций и специализаций.

I Сценарий «Реактивная стабилизация»

Внешняя среда относительно стабильна, но регион не использует окно возможностей из-за низкой управляемости. Повестка остается набором параллельных приоритетов, а процедуры развиваются фрагментарно.

Ключевые признаки:

- взаимодействие концентрируется на политическом уровне; технических решений и унификации процедур недостаточно;

- накапливаются разногласия по важным вопросам, растёт чувствительность к сезонным факторам;
- сохраняется высокая уязвимость к экономическим шокам и внешним колебаниям спроса/маршрутов;
- связанность растёт медленно и не даёт масштабирующего эффекта.
- отсутствие устойчивых совместных процедур и KPI связанности (время прохождения/данные/документы);
- слабая конвертация экспертных оценок в согласованные решения;
- сохранение «реактивного» характера ответов при наличии инфраструктурных возможностей и внешнего интереса.

Ранние индикаторы (2026-2027):

I Сценарий «Фрагментированный хаб»

Внешняя конкуренция высокая, координация слабая. Регион важен для внешних игроков, но страны действуют разрозненно, а проекты начинают конкурировать между собой и за одни и те же потоки.

Ключевые признаки:

- разные тарифы и процедуры по сопоставимым маршрутам, низкая совместимость данных;
- водные вопросы решаются в авральном режиме, растёт сезонная напряженность;
- встречи проходят, но без устойчивых технических решений и измеримых KPI;

- инфраструктурные и логистические инициативы конкурируют, повышая транзакционные издержки и неопределенность для бизнеса.

Ранние индикаторы (2026-2027):

- рост эпизодов, когда инфраструктурные проекты трактуются как внешнеполитический сигнал;
- усиление дискуссий о конкуренции за транспортные потоки и статус «ключевого хаба»;
- увеличение асинхронности процедур/тарифов и ухудшение управляемости общей повестки в многосторонних форматах.

I Интерпретация сценарной матрицы

Выбор двух осей (интенсивности внешней конкуренции и качества региональной управляемости) основан на эмпирических результатах экспертных опросов 2023-2026 гг. и анализе текущей конфигурации региональной повестки.

Усиление интереса внешних акторов (в первую очередь, через форматы C5+1) к транспортным маршрутам, энергетическим схемам, критическим материалам и цифровой инфраструктуре носит

устойчивый характер и формирует долгосрочный фон. Сочетание этих двух параметров формирует пространство стратегической неопределенности.

Следовательно, ключевой вопрос состоит в том, способна ли региональная система перерабатывать внешние импульсы в согласованные решения и использовать для внутрирегионального экономического развития.

I Наиболее вероятная траектория

Сценарная матрица задаёт пространство возможных траекторий, однако также важно обозначить вероятностную конфигурацию развития региона.

На основе динамики 2023-2026 гг., экспертных оценок и текущей институциональной практики можно говорить о том, что регион уже находится в зоне повышенной внешней конкуренции.

Интенсивность интереса не демонстрирует тенденции к снижению. Политизация отдельных экономических решений становится частью международной среды.

В этих условиях базовой траекторией представляется конфигурация, находящаяся между сценариями «Институциональный рывок под давлением» и «Фрагментированный хаб».

Внешнее давление и конкуренция усиливаются, однако качество региональной

координации остаётся неоднородным и секторально фрагментированным.

В ряде направлений наблюдается движение к процедурной совместности, прежде всего, в транспортной связанности (по Среднему коридору) и инфраструктурной координации. В других сферах, включая управление водными ресурсами и энергетическими балансами, сохраняются элементы реактивного регулирования и сезонной напряженности.

Таким образом, наиболее вероятной траекторией на ближайшие годы является ситуация, при которой регион будет одновременно испытывать давление внешней конкуренции и постепенно наращивать институциональные механизмы согласования. Итоговый вектор будет зависеть от того, насколько быстро технические и отраслевые форматы взаимодействия смогут перейти в устойчивую регулярную практику.

I Полюса риска

С точки зрения стратегических рисков наибольшую уязвимость представляет сценарий «Фрагментированный хаб». В этом режиме внешняя конкурен-

ция за транспортные и логистические пути усиливается, но усилия по координации внутри региона остаются разрозненными.

Различия в тарифах, процедуре оформления грузов, а также отсутствие совместимых регуляторных подходов повышают транзакционные издержки для бизнеса. Эксперты отмечают, что Центральная Азия сталкивается с «узкими местами в инфраструктуре, несовместимыми тарифами и дефицитом подвижного состава», что ограничивает ее потенциал как единого транспортно-го узла и замедляет интеграцию в международные цепочки поставок.

Высокие транспортные и торговые издержки по-прежнему остаются проблемой для региона, находящегося далеко от основных морских портов. Организация экономического сотрудничества и развития (OECD)¹ подчеркивает, что удаленность от крупных мировых рынков и высокие транспортные затраты ограничивают конкурентоспособность стран Центральной Азии и их привлекательность для инвестиций.

В случае реализации данного сценария, функционирование транспортных коридоров и логистических цепочек становится зависимым от двусторонних договоренностей и внешних политических решений, что ослабляет переговорную позицию региона в целом и повышает зависимость от решений крупных акторов.

Вторым полюсом риска выступает сценарий «Реактивная стабилизация». Он не предполагает резкого ухудшения внешних условий, однако фиксирует сохранение структурных ограничений региональной управляемости. В таких условиях, даже умеренные изменения в геоэкономической или политической среде способны оказывать непропорционально сильное влияние на устойчивость транспортных и институциональных механизмов. Например, несогласованная работа приграничных служб, различия в стандартах и правилах пересечения границ, а также отсутствие единого механизма управления инфраструктурой ведут к задержкам и удорожанию грузопотоков вдоль транспортных коридоров.

Исследования указывают на то, что несовместимость транспортных и торговых процедур между странами региона ограничивает эффективность коридоров, даже при существующей физической связанности. Улучшение сухопутных и железнодорожных путей без параллельного совершенствования «мягкой инфраструктуры» (координации процедур, унификации документации, согласования тарифов) приводит к тому, что любые внешние колебания, например в спросе на транзит или изменениях в глобальных логистических маршрутах, вызывают значительные волатильности в работе коридоров².

I Окно возможностей

Сценарий «Институциональный рынок под давлением» представляет собой наиболее реалистичное окно возможностей для региона в условиях усиливающейся внешней конкуренции. Последние годы демонстрируют, что рост интереса к Среднему коридору, увеличение числа форматов «С5+1», а также внимание к критическим материалам объективно повышают политическую чувствительность инфраструктурных решений. В этих условиях устойчивость определяется способностью государств выработать согласованные процедуры, а не только привлекать инвестиции.

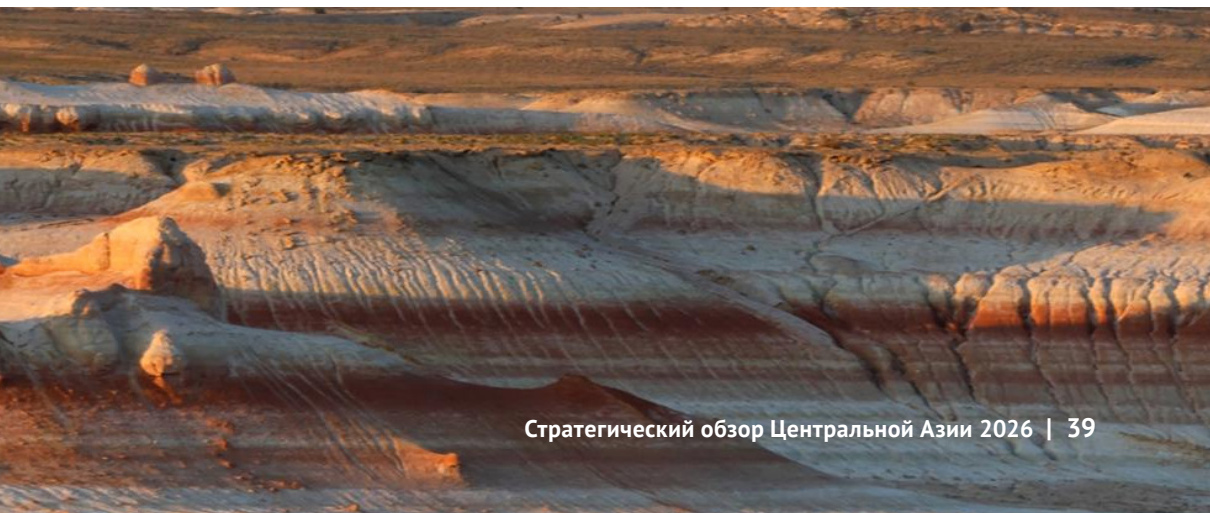
Уже в 2022-2024 гг. наблюдались попытки синхронизации подходов по ряду проектов. Усиление внимания к унификации таможенных процедур, цифровому обмену данными и снижению времени прохождения границ отражает понимание того, что конкурентоспособность маршрутов зависит от предсказуемости регуляторной среды. Аналогично, активизация диалога по трансграничным водным вопросам свидетельствует о переходе от эпизодического реагирования к поиску устойчивых механизмов согласования режимов использования ресурсов.

В рамках данного сценария внешнее давление становится фактором ускорения институционального развития.

Создание постоянных технических механизмов, формирование стандартов предварительной оценки правовых и санкционных рисков, согласование требований к инфраструктурным данным и документации позволяют снижать неопределенность для инвесторов и партнеров. Регион сохраняет диверсификацию внешнеэкономических связей, взаимодействуя с ЕС, Китаем, Россией, США, Турцией и другими акторами, при этом усиливая собственную процедурную управляемость.

Такая траектория повышает региональную субъектность в практическом измерении. Внешние проекты проходят через согласованный региональный контур, что снижает вероятность конкуренции внутри региона и укрепляет его переговорные позиции.

Сценарий «Управляемая консолидация» остаётся наиболее благоприятным с точки зрения долгосрочной устойчивости. Однако его реализация предполагает высокий уровень институциональной дисциплины, устойчивую регулярность технической координации и глубокую совместимость процедур. В текущих условиях, характеризующихся сохраняющейся асимметрией экономических структур и различиями в институциональной зрелости, достижение такого уровня согласованности требует последовательной и длительной работы.

FORESIGHT 2040-2050: ПРОГНОЗНЫЕ ОЦЕНКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аналитическая модель исследования исходит из того, что региональная устойчивость определяется согласованностью четырех уровней: ресурсного, инфраструктурного, институционального и социально-демографического.

В среднесрочной перспективе устойчивость проявляется через способность региона управлять текущими рисками и координировать действия государств.

В долгосрочном горизонте до 2040-2050 годов ключевым становится **динамика их изменения** и соотношение скоростей этих изменений.

Форсайт-анализ рассматривает, как трансформируются базовые структурные параметры региона и смогут ли институциональные и инфраструктурные механизмы адаптироваться к нарастающему ресурсному и социальному давлению.

I Ресурсный уровень: вода, климат, энергетика

К 2050 году климатические изменения становятся одним из наиболее устойчивых и структурообразующих факторов региональной среды.

Для горных систем Центральной Азии зафиксировано ускоренное потепление. В районе Тянь-Шаня средняя температура после 1998 года была примерно на **1°C выше**, чем в период 1960-1998 гг., что сопровождается сокращением ледников и снежного покрова. Это приводит к **нарушению сезонной структуры стока**. Ожидается **сдвиг пика речного стока до одного месяца раньше и снижение водности в летний период**, когда спрос на воду со стороны сельского хозяйства и энергетики максимален³.

Потеря значительной части ледниковых ресурсов в горах Кыргызстана и Таджикистана снижает долгосрочную предсказуемость водообеспечения для стран ниже по течению, но ключевой риск связан не только с объемом воды, а с ее сезонным распределением. Моделирование для бассейнов

Центральной Азии (сценарии умеренного и высокого потепления) показывает устойчивый рост температур во всех бассейнах, при этом осадки могут увеличиваться на севере и снижаться на юге региона. В результате формируется более выраженный **летний дефицит воды** при одновременном росте гидрологических экстремумов. Для восточных районов Памира оценки изменения водных ресурсов лежат в диапазоне от **-0,48% до +5,6%**, что указывает на высокую неопределенность, но при этом усиливает вариативность режима водоснабжения⁴.

Водный стресс приобретает системный характер. В Центральной Азии **объемы водоизъятия уже близки к уровню водной доступности**, а Туркменистан и Узбекистан относятся к числу наиболее водо-напряженных стран региона. Таким образом, даже умеренное климатическое смещение усиливает структурный дисбаланс между спросом и предложением воды.

Климатическое воздействие распространяется и на аграрный цикл. Для Кыргызстана и Таджикистана прогнозируется **сдвиг фенологических фаз на 1–2 недели раньше**, что меняет агротехнические режимы и повышает чувствительность урожайности к погодным аномалиям. В северном Казахстане, Узбекистане и западном Туркменистане, где значима доля дождевого земледелия, усиливается зависимость производства от нестабильности осадков.

Энергетическое измерение климатического стресса проявляется через два канала. Во-первых, более жаркие летние условия вызывают **устойчивый рост спроса на электроэнергию для охлаждения**, который превышает потенциальное снижение зимних расходов на отопление. Во-вторых, водный дефицит увеличивает роль **энергоёмких способов водоснабжения и регулирования**

(перекачка, хранение, подача воды на большие расстояния), что усиливает взаимозависимость систем «вода-энергия». Таким образом, климатическая динамика одновременно увеличивает и спрос на воду, и энергозатраты на ее обеспечение.

Климатический стресс будет проявляться через социально-экономические последствия: рост бюджетных расходов на адаптацию инфраструктуры, снижение производительности труда в климатически чувствительных секторах, усиление ценовой волатильности на продовольствие и коммунальные услуги. В совокупности ресурсный уровень формирует долгосрочную «базу давления» на региональные системы, к которой должны адаптироваться институциональные, инфраструктурные и социальные уровни развития.

Инфраструктурный уровень: транспорт и связанность

Транспортная инфраструктура становится одним из ключевых факторов развития Центральной Азии. Рост экономической активности, урбанизации и транзитной роли региона приводит к многократному увеличению транспортной нагрузки.

По модельным сценариям, совокупная грузовая работа в пространстве Северной и Центральной Азии, включающем страны Центральной Азии, к 2050 году увеличивается на 161-206% по сравнению с 2015 годом⁵.

Основной вклад вносит неурбанистический сегмент, в том числе межрегиональные и международные перевозки, которые к середине века вырастают более чем в четыре раза в инерционном сценарии и примерно в 3,5 раза в сценариях структурной трансформации. Это означает резкое усиление нагрузки на транзитные коридоры, железнодорожные магистрали и автомобильные маршруты международного значения⁶.

Меняется и модальная структура грузоперевозок. К 2050 году на дорожный и железнодорожный транспорт приходится свыше 70% неурбанистических грузовых потоков, тогда как доля морских перевозок в этой макрорегиональной системе снижается до менее 3%, а в сценариях глубокой перестройки – до около 1%. Таким образом, устойчивость и пропускная способность сухопутных коридоров становятся критическим условием экономической связанности региона⁷.

Рост грузовых потоков стимулирует развитие ключевых направлений – Транскаспийского маршрута, коридоров Север–Юг и Восток–Запад, расширение сухопутных терминалов, модернизацию железнодорожной и автомобильной инфраструктуры, а также повышение

эффективности пограничных переходов. Сочетание инфраструктурных инвестиций, цифровизации процедур и институциональных реформ способно сократить средние логистические издержки по региональным сухопутным маршрутам на 25–35%, одновременно расширяя доступ к внешним рынкам⁸.

Параллельно растет пассажирская мобильность. Неурбанистические пассажирские перевозки к 2050 году во всех сценариях более чем удваиваются относительно 2015 года, усиливая значение межгородской и трансграничной связанности. В городах нагрузка еще выше: объем пассажирооборота увеличивается на 110-160%, что формирует дополнительное давление на городские транспортные сети, общественный транспорт и инфраструктуру узлов пересадки.

Трансформируется структура городской мобильности. Если в 2015 году на частные автомобили и мотоциклы приходилось около 44% городских поездок, то к 2050 году в сценариях устойчивой перестройки их доля снижается до 30%, тогда как доля совместной и сервисной мобильности возрастает до 17%. Это отражает сдвиг инфраструктурных потребностей в сторону цифровых платформ, интегрированных транспортных систем и повышения роли общественного транспорта.

Инфраструктурное расширение имеет и энергетико-климатическое измерение. В инерционном сценарии грузовые выбросы транспорта к 2050 году могут увеличиться на 91% по сравнению с 2015 годом, а дорожный транспорт – почти на 97%. В сценариях структурной трансформации, напротив, фиксируется снижение на 38-49% для грузового сегмента и на 40-48% для дорожного транспорта. Таким

образом, траектория инфраструктурного развития напрямую определяет не только связанность, но и углеродный профиль экономики региона.

В совокупности инфраструктурный уровень формирует долгосрочную основу региональной интеграции и экономиче-

ской динамики. Многократный рост грузовых и пассажирских потоков, усиление роли сухопутных коридоров и усложнение городской мобильности превращают транспортную систему в один из главных структурных факторов устойчивости Центральной Азии к середине века.

Институциональный уровень: государственные институты и международная кооперация

Институциональная система становится ключевым фактором, определяющим траекторию развития Центральной Азии. Качество государственного управления, эффективность правоприменения, уровень доверия к институтам и способность государства реализовывать политику на практике напрямую влияют на экономический рост, социальную устойчивость и адаптацию к внешним шокам⁹.

Институциональное развитие прояв-

ляется в конкретной дееспособности государственных систем. Наиболее наглядно это видно на примере социальной сферы. По данным регионального анализа Generation 2050¹⁰, уже сегодня наблюдается существенная асимметрия институциональной емкости в системе социальной защиты детей и социальных служб. Разрыв отражает различия в возможностях профилактики социального неблагополучия, сопровождения семей и качества индивидуальной работы с уязвимыми группами.

К 2050 году демографическая и социальная нагрузка усиливает требования к институциональной мощности. Это касается не только социальной защиты, но и всей системы публичной администрации: управления человеческими ресурсами государственной службы, подготовки управленческих кадров, цифровизации процессов и способности органов власти работать с комплексными межсекторальными задачами¹¹. Эти оценки показывают, что институциональный вызов 2050 года выражается в масштабах управленческой и кадровой мобилизации, сопоставимых с крупными структурными реформами.

В международно-институциональном измерении ключевым направлением становится углубление межгосударственной координации. Устойчивое развитие региона связано с переходом к более открытой модели регионализма, предполагающей согласованность торговой, инвестиционной и миграционной политики, а также совместное управление трансграничными ресурсами. Одновременно возрастает роль международных организаций и региональных платформ как механизмов согласования политики, обмена данными, выработки стандартов и наращивания институционального потенциала.

При этом долгосрочные сценарные документы задают именно направление институциональной эволюции, но, как правило, не содержат точных количественных прогнозов по структуре международных организаций или формальным параметрам региональной институциональной архитектуры к 2050 году.

Тем самым институциональный уровень определяется не столько изменением перечня организаций, сколько ростом их функциональной роли, плотности координации и способностью государств региона использовать международные форматы как инструменты реализации внутренней политики развития.

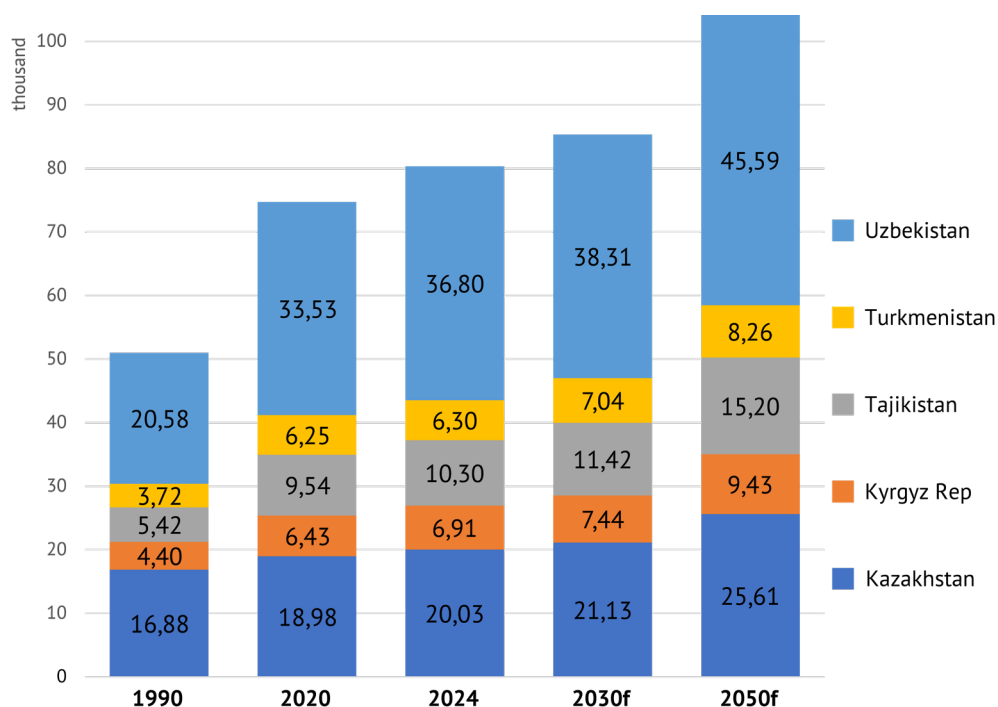
В совокупности институциональный уровень формирует основу долгосрочной устойчивости региона. Сближение с более высокими стандартами управления, наращивание кадровой и организационной емкости социальных систем и углубление межгосударственной координации становятся ключевыми условиями того, чтобы экономический, демографический и инфраструктурный рост Центральной Азии к 2050 году сопровождался социальной стабильностью и управляемостью процессов развития.

Социально-демографический уровень: население и урбанизация

Демографическая динамика становится одним из базовых структурных факторов развития Центральной Азии. Регион проходит через масштабный рост населения при одновременном изменении возрастной структуры и параметров воспроизводства. С 1990 по 2024 год численность населения стран Центральной Азии увеличилась с 50 до 80 млн человек, то есть на 60% или почти на 30 млн человек.

По прогнозам, к 2050 году население региона превысит 103,9 млн человек, при этом крупнейшими странами останутся Узбекистан (45,5 млн) и Казахстан (25,6 млн), за ними следуют Таджикистан (15,2 млн), Кыргызстан (9,4 млн) и Туркменистан (8,2 млн). Тем самым демографический масштаб региона продолжает расти, усиливая его экономическое и социально-политическое значение.

Рисунок 8. Население стран Центральной Азии за отдельные годы

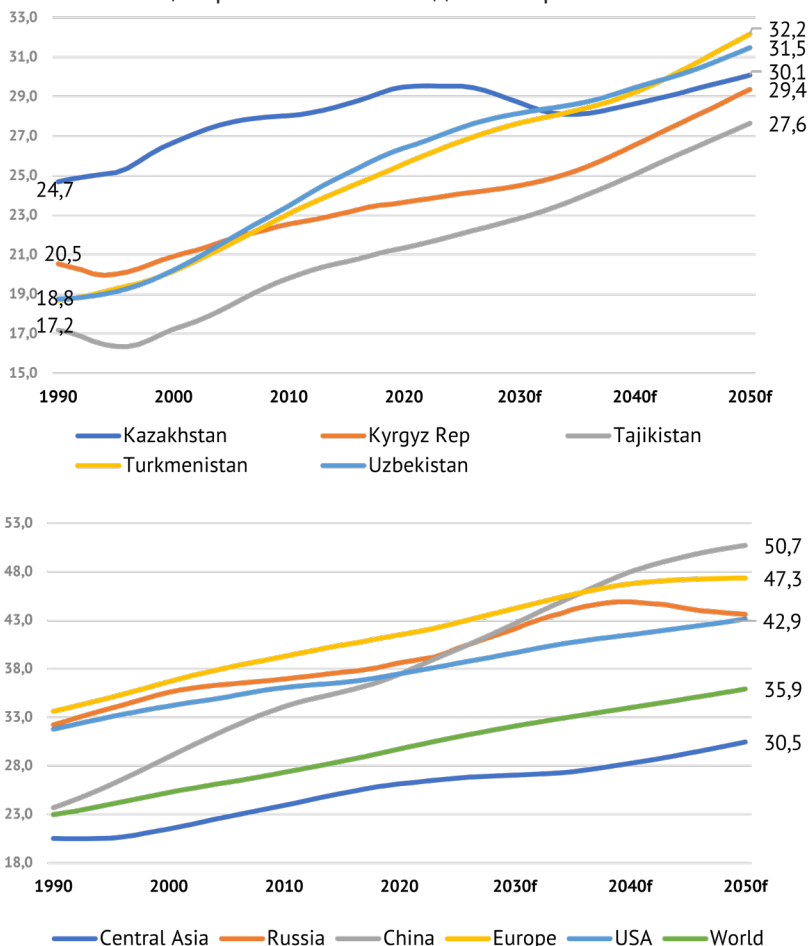
Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). *World Population Prospects 2022, Online Edition*.

График отражает устойчивый демографический рост во всех государствах региона, при сохранении лидирующих позиций Узбекистана и Казахстана по численности населения. К 2050 году совокупное население Центральной Азии значительно увеличивается, что усиливает значение человеческого капитала, занятости, урбанизации и социальной инфраструктуры как ключевых факторов региональной устойчивости и экономической динамики.

Одновременно происходит трансформация режимов рождаемости. Во всех странах региона, за исключением Казахстана, наблюдается снижение показателей рождаемости: в Узбекистане – с 35 до 26 рождений на 1 000 человек (1991–2022), в Таджикистане – с 41 до 27, в Кыргызстане – с 29 до 24, в Туркменистане – с 34 до 22. Казахстан остается относительно стабильным – около 23 на 1 000. Несмотря на снижение, суммарный коэффициент рождаемости в регионе в 2021 году составил 2,97 ребенка на женщину, что выше мирового среднего (2,32) и значительно выше показателей России, Европы, Китая и США. Это поддерживает относительно молодую возрастную структуру.

Возрастная структура населения постепенно смещается в сторону «взросления», но остается моложе, чем в большинстве развитых регионов. Медианный возраст в Казахстане увеличился с 24,7 года (1990) до более чем 32 лет, в Кыргызстане – с 20,5 до 31,5, в Таджикистане – с 17,2 до 29,4 (к 2050), в Туркменистане – с 18,8 до 30,1, в Узбекистане – с 20,8 до 27,6. В среднем по региону медианный возраст вырастет с примерно 20,5 до 30,5 лет к 2050 году, оставаясь ниже глобального показателя (35,9 лет). Это означает постепенный переход от «молодого» демографического профиля к более зрелому, с растущей нагрузкой на системы занятости, здравоохранения и социальной защиты.

Рисунок 9. Медианный возраст всего населения стран Центральной Азии и отдельных регионов

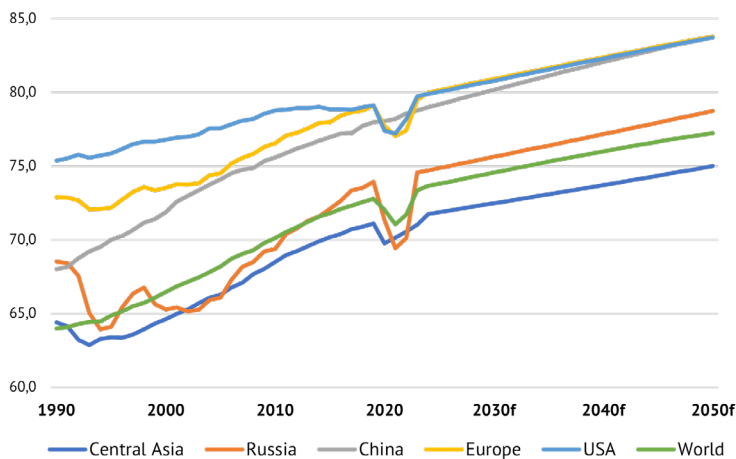
Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). *World Population Prospects 2022, Online Edition*.

Графики показывают устойчивое старение населения во всех странах Центральной Азии при сохранении более молодого возрастного профиля по сравнению с Европой, Россией и Китаем. Рост медианного возраста отражает постепенный переход региона от демографического роста к структурным изменениям в занятости, социальной нагрузке и системе человеческого капитала. К 2050 году Центральная Азия остаётся демографически более молодой, чем большинство крупных экономик, что формирует как окно возможностей для экономического развития, так и требования к модернизации образования, рынка труда и социальной инфраструктуры.

Значительные изменения происходят в сфере здоровья. Младенческая смертность в регионе снизилась с 58,6 на 1 000 живорождений (1991) до 15,4 (2021) и, по прогнозам, может снизиться до 7,7 к 2050 году. Материнская смертность также существенно сократилась: в Казахстане – с 56,3 до 13,4 (2000-2020), в Таджикистане – с 67,5 до 16,6, в Туркменистане – с 26,1

до 5,1. Эти тенденции способствовали росту ожидаемой продолжительности жизни – с 64,1 года (1991) до 70,1 года (2021). Улучшение здоровья населения усиливает демографический потенциал региона, но одновременно увеличивает долгосрочные обязательства социальных систем.

Рисунок 10. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в отдельных странах и регионах.

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). *World Population Prospects 2022, Online Edition*.

Динамика демонстрирует устойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни во всех регионах после периода турбулентности 1990-х и кратковременного снижения в начале 2020-х годов. Центральная Азия постепенно сокращает разрыв с глобальными средними показателями, однако сохраняет отставание от Европы, США и Китая. К 2050 году прогнозируется дальнейшее увеличение продолжительности жизни, что отражает улучшение качества здравоохранения и социальных условий, но одновременно усиливает нагрузку на системы социальной защиты, рынок труда и государственные расходы.

Урбанизация становится важным фактором пространственной трансформации. Доля городского населения региона достигла 45,2%, при значительной дифференциации: в Казахстане – около 61%, в Узбекистане – 50%, в Туркменистане – 53%, тогда как в Таджикистане и Кыргызстане показатели остаются ниже (28% и 37% соответственно). Улучшение городской среды проявляется в сокращении доли населения, проживающего в условиях трущоб: в Казахстане – с 24,5% (2000) до 0,8% (2020), в Кыргызстане – с 15,9% до 2,4%, в Таджикистане – с 60,3% до 17,1%.

В совокупности демографо-социальный уровень формирует фундамент долгосрочных процессов. Рост численности населения, относительно высокая рождаемость, повышение продолжительности жизни, урбанизация, цифровая связанность и мобильность создают потенциал демографического дивиденда, но одновременно увеличивают нагрузку на рынки труда, системы образования, здравоохранения и социальную инфраструктуру. Управляемость этих процессов становится одним из ключевых условий устойчивого развития Центральной Азии к середине века.

Список литературы

1. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Trans-Caspian Transport Corridor: State of Play, Challenges and Policy Considerations [Электронный ресурс] / OECD Publishing. – Paris : OECD, 2025. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/2025/11/enhancing-the-competitiveness-of-the-trans-caspian-transport-corridor-in-central-asia_e989025f/full-report/tctc-state-of-play-challenges-and-policy-considerations_b8a252b7.html (дата обращения: 17.02.2026). (oecd.org)
2. Asian Development Bank Institute / ADB. Improving transport corridors' efficiency for stronger regional value chains integration in Central Asia [Электронный ресурс]. – Manila : ADB Institute, 19.07.2024. – URL: <https://development.asia/summary/improving-transport-corridors-efficiency-stronger-regional-value-chains-integration-central> (дата обращения: 17.02.2026).
3. Shaw R., Luo Y., Cheong T. S., Abdul Halim S., Chaturvedi S., Hashizume M., Insarov G. E., Ishikawa Y., Jafari M., Kitoh A., Pulhin J., Singh C., Vasant K., Zhang Z. Chapter 10: Asia. In: Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Электронный ресурс] / H.-O. Pörtner, D. C. Roberts, M. Tignor, E. S. Poloczanska, K. Mintenbeck, A. Alegria, M. Craig, S. Langsdorf, S. Lösschke, V. Möller, A. Okem, B. Rama (eds.). – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2022. – P. 1457–1579. – DOI: 10.1017/9781009325844.012. – URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/downloads/report/IPCC_AR6_WGII_Chapter10.pdf (дата обращения: 26.12.2025).
4. Dyson E., Bermange A., Aliga D., Agyeman N., Srivastava A., Karani L., Lievens T. Generation 2050 in Central Asia: Regional Report [Электронный ресурс] / UNICEF Europe and Central Asia. – Sejong : UNICEF, 07.11.2025. – 104 с. – URL: <https://www.unicef.org/eca/media/42726/file/Generation%202050%20in%20Central%20Asia.pdf> (дата обращения: 26.12.2025).
5. International Transport Forum (OECD). North and Central Asia Transport Outlook [Электронный ресурс] / International Transport Forum ; OECD. – Paris : ITF/OECD, 2022. – URL: <https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/north-central-itf-transport-outlook.pdf> (дата обращения: 26.12.2025).
6. OECD. Enhancing the Competitiveness of the Trans-Caspian Transport Corridor in Central Asia [Электронный ресурс] / OECD Publishing. – Paris : OECD, 24.11.2025. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/enhancing-the-competitiveness-of-the-trans-caspian-transport-corridor-in-central-asia_e989025f-en/full-report (дата обращения: 26.12.2025).
7. Asian Development Bank. Future Transport Across Asia and the Pacific: Main Report [Электронный ресурс] / Asian Development Bank. – Manila : ADB, 2025. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/744376/future-transport-asia-pacific-main-report.pdf> (дата обращения: 26.12.2025).
8. International Transport Forum (OECD). Enhancing the Connectivity, Sustainability, and Resilience of Freight Transport in Central Asia [Электронный ресурс] / International

Transport Forum ; OECD. – Paris : ITF/OECD, 24.07.2025. – URL: <https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/enhancing-connectivity-sustainability-resilience-freight-transport-centra-asia.pdf> (дата обращения: 26.12.2025).

9. Clarke M., Kumuthini S., Ahunbay D. (eds.). Overview of Central Asia 2050: Shaping the Future of Central Asia [Электронный ресурс] / Centennial Group International. – Washington, DC : Centennial Group, 2015. – URL: <http://www.centennial-group.com/wp-content/uploads/2015/09/Overview-of-Central-Asia-2050.pdf> (дата обращения: 26.12.2025).
10. Dyson E., Bermange A., Aliga D., Agyeman N., Srivastava A., Karani L., Lievens T. Generation 2050 in Central Asia: Regional Report [Электронный ресурс] / UNICEF Europe and Central Asia. – Sejong : UNICEF, 07.11.2025. – 104 с. – URL: <https://www.unicef.org/eca/media/42726/file/Generation%202050%20in%20Central%20Asia.pdf> (дата обращения: 26.12.2025).
11. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Public Governance Scan of Kazakhstan 2025 [Электронный ресурс] / OECD Publishing. – Paris : OECD, 2025. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/05/oecd-public-governance-scan-of-kazakhstan_9fe50ba2/f8298798-en.pdf (дата обращения: 26.12.2025).

Об авторе

Доктор философии (PhD) по международным отношениям, руководитель Отдела азиатских исследований Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.

Специализируется на исследованиях внешней политики Казахстана, проблематике средних держав, региональной динамике Центральной Азии. В профессиональной деятельности сочетает академический анализ и прикладную экспертную работу в сфере стратегического прогнозирования.

С 2022 года возглавляет направление азиатских исследований в КИСИ, где курирует подготовку аналитических материалов по внешнеполитической и региональной повестке, участвует в разработке экспертных рекомендаций и организации международных форумов по вопросам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. Регулярно взаимодействует с аналитическими центрами и исследовательскими структурами стран региона и внешних партнеров.

Автор научных и аналитических публикаций по вопросам международных отношений, региональной политики и дипломатии, опубликованных в том числе в журналах *International Area Studies Review*, *Insight Turkey*, *Baku Dialogues*, *Journal of Central Asian Studies* и других изданиях.

ORCID: 0000-0002-5953-6403

Айдар Курмашев

Стратегический обзор Центральной Азии 2026

Дизайн и верстка: Меруерт Әсіл

Формат 165x238

Печать цифровая. Печатных листов 25

Тираж 100 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, Астана, ул. Бейбітшілік, 4

Изготовлено в ОО «Развитие предпринимательства»

